

Д. П. Бутурлин

История

нашествия
императора
Наполеона
на Россию
в 1812 году

Военные мемуары (Кучково поле)

Дмитрий Бутурлин

**История нашествия императора
Наполеона на Россию в 1812 году**

Издательство «Кучково поле»

1837

УДК 94
ББК 63.3(2)47

Бутурлин Д. П.

История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году / Д. П. Бутурлин — Издательство «Кучково поле», 1837 — (Военные мемуары (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0212-3

Одно из первых описаний Отечественной войны 1812 года, созданное русским историком, участником боевых действий, Его Императорского Величества флигель-адъютантом, генерал-майором Д. Бутурлиным (1790–1849). В распоряжение автора были предоставлены все возможные русские и французские документы, что позволило ему создать труд, фактический материал которого имеет огромную ценность для исследователей и сегодня. Написан на французском языке, в 1837 году переведен на русский язык. Для широкого круга любителей истории 1812 года и наполеоновских войн.

УДК 94
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0212-3

© Бутурлин Д. П., 1837
© Издательство «Кучково поле», 1837

Содержание

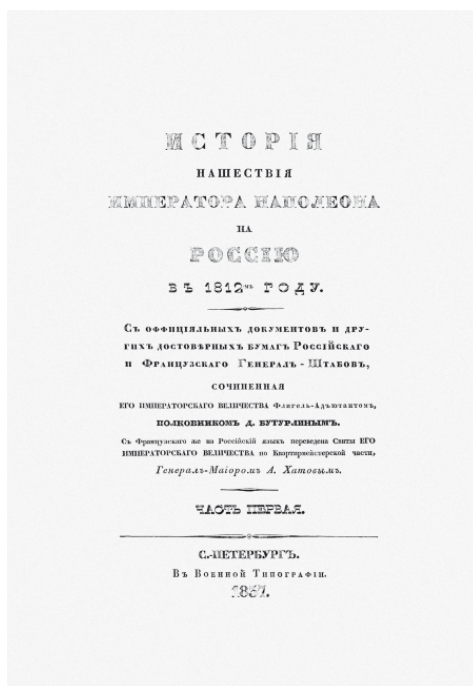
Часть первая	6
Предупреждение	7
Предупреждение	8
Глава I	9
Глава II	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Петрович Бутурлин

История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Часть первая

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

Переложив на отечественный язык историю нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году, я приемлю смелость повергнуть труд сей к стопам Вашего Императорского Величества как первого виновника блистательных успехов, ознаменовавших сию достопамятную в летописях мира войну, только прославившую оружие Вашего Императорского Величества и подготовившую падение Наполеона.

Счастливым сочту себя, если труд сей, для распространения военных познаний предпринятый, удостоится милости воззрения Вашего.

Всемилоостивейший государь!

Вашего Императорского Величества
верноподданный Александр Хатов,
квартирмейстерской части генерал-майор

Предуведомление от сочинителя

История похода 1812 года еще не была написана. Всё, досель появившееся в Европе по сему предмету, или неполно, или несправедливо. Сочинитель, уверившись в сей истине, не упустил ничего для соделания труда своего в вышней степени достоверным. Будучи очевидцем большей части происшествий, им описываемых, он имел еще возможность почерпать в архиве генерал-квартирмейстера главного штаба Его Императорского Величества. Официальные документы Российской армии, равно и неприятельские, по участи войны доставшиеся россиянам, составляют драгоценный источник, из коего почерпая с величайшим тщанием и разборчивостью, он чрез то мог устранить все частные описания, почти всегда с пристрастием и уже после событий составленные.

Сочинитель знал трудность своего предприятия. Нелегко написать современную историю. Человек, не умеющий поступать противно совести своей, неминуемо должен подвергнуться негодованию оскорбленного честолюбия и ненависти духа партий, коих пристрастные суждения не могут быть подтверждены историей. Гордясь тем, что писал сходно с собственным убеждением, он ищет одобрения только людей благородно беспристрастных, но не тех, кои правду считают обидной или преступлением. При всем том он не имеет смешанного высокомерия воображать, чтобы не мог погрешить в суждениях своих, и с признательностью примет все замечания, которые благоугодно будет сделать ему для пользы военной науки.

Еще остается ему изъявить сожаление свое, что не мог поместить в сей книге частных подвигов, без всякого сомнения величайшей похвалы достойных, но которые непременно затмились бы между великими и важными происшествиями, в ней описанными. Военная история не занимается лицами, но одними событиями и следствиями оных. Для сего есть записки и собрания анекдотов, коими принадлежит соделать частные подвиги известными обществу, почему сочинитель и надеется, что благоволившие сообщить ему сведения по сему предмету прогневаются, что он не воспользовался оными.

Предуведомление от издателя

Убежденный в достоинстве книги, по содержанию своему долженствующей быть занимательной для каждого русского, а по беспристрастным и на истинных правилах стратегии основанным суждениям об ошибках, с обеих противных сторон сделанных в знаменитый поход 1812 года, могущей быть весьма поучительной и, следовательно, полезной для занимающихся военной наукой, издатель переложил ее на отечественный язык для тех, кои не могут пользоваться подлинником, и составил к ней карты и план, без коих было бы затруднительно следовать за ходом военных действий и вникать в суждения, сделанные сочинителем.

Читатель не должен искать здесь ни красоты, ни утонченной правильности слога, переводчик – солдат, а солдат довольно хорошо объясняется, если товарищи его понимают. Взамен он найдет в переводе точный смысл подлинника, без малейшей перемены.

Сочинитель долгом счел выпустить многие подробности, полагая, что историю его читать будут более иностранцы, для коих они действительно показались бы утомительными, тем более что растянули бы повествование, ничего не прибавив к существу дела. Напротив того, издатель думает, что сказанные подробности могут быть занимательны для русских, а потому и решился некоторые из них прибавить в виде примечаний, помещенных внизу страницы¹. Впрочем, сии подробности извлечены из достоверных документов и особенно из журнала, во время войны веденного генерал-квартирмейстером Толем.

¹ Примечания переводчика и сочинителя в сносках помечены соответственно. Сноски, не имеющие указаний авторства, принадлежат редактору 1-го издания (*прим. ред. 2-го изд.*).

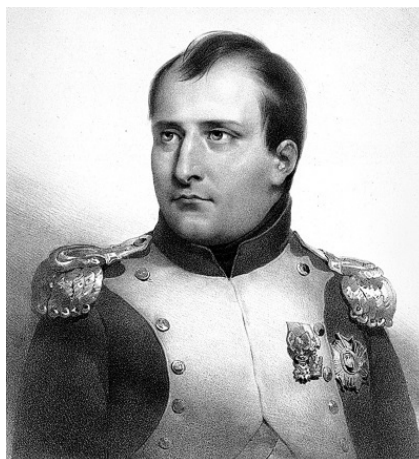
Глава I

Взгляд на политические сношения России с Францией со времени Люневильского мира до войны 1812 года. – Изложение причин, произведших сей последний разрыв.

События, ознаменовавшие конец XVIII столетия, совершенно переменили отношения держав и ниспровергнули всю прежнюю политическую систему Европы.

В то время, когда раздел Польши переменил вид восточной части Европы, увеличивая могущество трех дворов, разделивших оную, Франция, возрожденная революцией, приняла направление, которого не могли остановить две коалиции, следовавшие одна за другой. Необходимость удержать распространение правил, всякому порядку противных, которые были отличительным свойством французских революционеров, была побудительной причиной вооружения Австрии и ее союзников, но победы французов и несогласие, водворившееся между союзниками, разрушили обе коалиции, и Австрия, принужденная заключить мир, подписала Люневильский трактат, к коему впоследствии приступили и прочие державы твердой земли, еще не примирившиеся с Францией. Даже сама Англия, увлеченная общим примером, уклонилась на время от системы Питта и подписала Амиенский трактат, довершивший успокоение Европы.

Казалось, что сей мир долженствовал быть прочным. С одной стороны, расширение пределов Франции, признанное Люневильским трактатом, заменяло для сей державы важные приобретения, сделанные Россией, Австрией и Пруссией на счета Польши. С другой, возвышение Бонапарте на степень первого консула, утвердившее наконец внутреннее правительство во Франции, достаточно обнадеживало Европу в уничтожении революционных правил. Можно было надеяться, что Бонапарте, довольный высоким достоинством своим, будет помышлять только об успокоении Франции под сенью лавров, им пожатых, и даст ей время изгладить глубокие раны, причиненные революцией всему составу государства. Но только миролюбивые расположения совсем несовместны были с личным нравом начальника французского правительства. Необыкновенный человек сей, один из величайших полководцев всех времен, присоединил к превосходным военным дарованиям искусство редкое и важное – управлять умами и всегда подчинять их непреклонной воле своей. Удачно пользуясь счастливым течением обстоятельств, в которые судьба привела его, он сам поставил себя преемником революции и захватил верховную власть столь мощной рукой, что противники общественного порядка принуждены были умолкнуть. Один он, устояв на развалинах партий, раздиравших Францию, восстановил общественное здание, которое мятежливые и не терпящие начальства люди успели ниспровергнуть. Уже вся Франция, возвращенная к миру и спокойствию, благословляла имя его и изъявляла должную признательность за все благодеяния, твердым правлением его на нее излитые. Европа удивлялась ему и считала его поборником справедливости и доброго порядка. Но сии мечты благоденствия недолго существовали. Все великие качества, коими Бонапарте одарен был, затмевались неограниченным и ненасытным честолюбием, наполнившим его сердце. Единственная страсть сия управляла всеми поступками и помышлениями его, и ей подчинял он все свои деяния. Не довольствуясь каждой степенью возвышения, им достигнутой, он почитал ее только ступенью, служащей к большему еще возвышению. Малоразборчивый в средствах, он употреблял и зло без различия: в начале политического поприща своего он сделал много добра единственно потому, что сей путь прямее вел к его цели – на прочном основании утвердить власть свою внутри Франции, но достигнув сего, он принял иные меры.

Наполеон I
(1769–1821)

Объяв оком гения политическое положение Франции и ее отношение к другим державам, он скоро заметил, что она была могущественнее того, какой желали и думали оставить ее державы, договаривавшиеся с ней в Люневиле. Правда, что республики Батавская, Гельветическая, Цизальпинская и Лигурийская составляли владения, не зависящие от Франции, но независимость сия была только мнимая. Находясь под непосредственным влиянием сей последней, они как верные спутники слепо следовали политической ее системе. Вскоре Европа дорого заплатила за ошибку свою, что упустила взять надежные поручительства в действительной независимости сих республик. Бонапарте почувствовал, что, имея в распоряжении своем почти 50 миллионов жителей, он безбоязненно может исполнять все замыслы, внушаемые ему предприимчивым и беспокойным духом, для увеличения своего могущества и овладения общественным мнением – торжество, которого он более всего домогался.

Первое старание его было закрепить оковы, привязывавшие Цизальпинскую республику к Франции. И он совершенно успел в том, приказав избрать себя в председатели сей республики, которой дал честолюбивое наименование Итальянской. Другая республика, Гельветическая (Швейцария), раздираемая внутренними смятениями, принуждена была признать его в качества посредника и принять от него конституцию, отвергаемую мнением большей части народа. Незадолго пред тем Пиемонт, окончательно присоединенный к Франции, умножил число ее департаментов. Поелику со времени Люневильского мира Пиемонт оставался под управлением Франции, то присоединение сие едва было бы примечено, если б оное не обнаружило честолюбие Бонапарте, ибо, перенеся пределы республики за Альпийские горы, он поступил вопреки объявлению, сделанному Францией, что она никогда не преступит естественных пределов, начертанных ей рекой Рейном и хребтами Альпийских и Пиренейских гор.

Александр I
(1777–1825)

Европа с удивлением и беспокойством взирала на сии перемены, столь явно нарушавшие Люневильский трактат, однако потребность мира и изнеможение от войны были столь велики, что она довольствовалась одним роптанием, и Англия, в то время опять возвратившаяся к системе, более сообразной с тогдашними ее пользами, не могла найти себе союзников. Поступки Бонапарте вскоре доставили ей оных.

Объявление войны со стороны Англии послужило первому консулу предлогом к новым насилиям. Ганновер, имевший правление, совсем отделенное от английского, никогда не почитался обязанным отвечать за сию последнюю державу. Даже революционное правитель-

ство французское уважало сие различие, основанное на самых неоспоримых началах народного права. Несмотря на сие, Бонапарте занял курфюршество Ганноверское, не уважив при том ни германской конституции, ни посредничества берлинского и петербургского кабинетов, ручавшихся за неприкосновенность оной. В то же время другая Французская армия вступила во владения короля Неаполитанского, который тщетно прибегал к своему нейтралитету. Наконец, посягательство на особу герцога Ангийенского, сделанное вопреки владельческих прав одного из князей империи, совершено и пред глазами всех обнаружило всю обширность того самовластия, которое Бонапарте хотел присвоить себе над соседственными владениями. Тогда первенствующие державы европейские изъявили негодование свое, и Россия вступила в состязание.

Император Александр, вступив на престол всероссийский, с искренностью и прямодушием старался утвердить дружеские сношения между Россией и Францией, коим император Павел положил первое основание. Александр полагал, что тесная связь между сими двумя державами поддержит и сделает прочным мир на твердой земле. В делах Германии действительно все устроилось согласно с великодушными видами российского императора, но в итальянских делах сент-клюдский кабинет поступал самопроизвольно и постоянно устранял посредничество петербургского двора, следствием чего и было приметное охлаждение между обоими кабинетами, которое от насильственного занятия Ганновера и неаполитанских владений, естественно, долженствовало еще более увеличиться. При всем том Россия еще колебалась явно объявить себя против Франции, но убийство герцога Ангийенского прекратило ее нерешимость в выборе политической системы, которой надлежало ей следовать. Император Александр для чести своего престола и для безопасности Европы не мог долее оставаться в союзе с правительством, учинившим столь неслыханное злодеяние.

Тогда Питт, снова принявший кормило правления в Англии и с нетерпением выжидавший случая составить против Франции новую коалицию, сильнейшую двух прежних, достигнул верха своих желаний. Россия, негодующая на несправедливые поступки Бонапарте, решилась уже силой оружия привести в надлежащие пределы то чрезмерное могущество, которое он столько во зло употреблял. Австрия, всех более сим могуществом угрожаемая, равномерно чувствовала необходимость силой отразить опасные похищения Франции. Новая коалиция могла еще полагаться на вспомоществования Швеции и короля Неаполитанского. Британское министерство не отчаивалось убедить также и берлинский кабинет ко вступлению в сей великий союз, но не успело в том: король Прусский не решился отступить от нейтральной системы своей, ибо полагал, что на ней основано уважение, коим кабинет его пользовался в Европе.

Коалиция готовилась уже обнаружиться, однако же император Александр не хотел начинать войны, не истощив сперва всех кротких средств, совместных с его достоинством. Государь сделал последний опыт для получения от Наполеона справедливого удовлетворения на требование России и для того приказал Г. Новосильцову отправиться в Париж, но сей принужден был остановиться в Берлине, поелику новые перемены, происшедшие в Италии, уничтожили последнюю надежду к примирению с Францией. Бонапарте не только не думал отворачивать грозу, на него собиравшуюся, но, казалось, еще старался, чтобы она скорее разразилась. К титулу императора Французского присовокупил он титул короля Итальянского и, отправившись в новое королевство свое, еще присоединил к Франции Лигурию и пармские владения, а княжество Лукку отдал шурина своему Бачиокки. Новые сии похищения становились тем оскорбительнейшими, что сделаны были в то самое время, когда Европа оспаривала еще у него законность прежних его присоединений. Союзные державы поспешили к оружию.

Австрия выставила три армии, из коих одна двинулась в Италию, другая – в Тироль, а третья – в Баварию. Сия последняя долженствовала быть усилена россиянами, вступившими уже в Галицию. Один корпус российских войск сделал высадку в Померанию и должен был войти в Ганновер вместе со шведами и англичанами. С другой стороны, российские и английские

войска перевезены были в Королевство Неаполитанское, которое французы оставили, дабы сосредоточить силы свои на австрийских границах.

Битва под Аустерлицем 2 декабря 1805 г.

Поход сей соделался несчастливym для союзников по многим причинам: во-первых, страх, внушаемый именем Бонапарте, подействовал на Баварию, и Баварская армия присоединилась к Французской. Баден и Виртемберг последовали сему примеру. Пруссия колебалась. От сего произошло, что Австрийская армия в Германии должна была одна выдержать нападение превосходных сил Бонапарте, против нее обращенных, и сия армия, управляемая или невежеством, или изменой, была уничтожена как бы ударом волшебного жезла. Наконец, россияне, соединившиеся с остатками австрийцев, претерпели поражение под Аустерлицем.

Несмотря на то, дела союзников, может быть, находились еще не в отчаянном положении. С одной стороны, новая российская армия приближалась на подкрепление к разбитой. С другой – эрцгерцог Карл и Иоанн могли скоро приспеть с 80 000 австрийцев, выведенных из Италии и Тироля. К тому же Бонапарте во время действий своих против австрийцев нарушил нейтралитет прусских пределов. Оскорбленный сим кабинет берлинский наконец приступил к коалиции, и прусские войска готовы были уже двинуться в тыл Французской армии, которая, зайдя в средину австрийских владений, недовольно обезопасила свой путь действий. Итак, кажется, что в сих обстоятельствах нетрудно было вознаградить поражение, претерпленное под Аустерлицем, но провидение иначе определило. Пагубное уныние скрыло от австрийских министров способы, которые еще у них оставались, и они заключили сперва перемирие, а вскоре засим и мирный трактат, подписанный в Петербурге. Австрия лишилась около трех миллионов жителей, которых Бонапарте в намерении блеснуть бескорытием роздал союзникам Франции, и именно: Королевству Итальянскому, курфюрстам Баденскому, Виртембергскому и Баварскому, из коих последние двое получили к тому еще титул короля. Однако и при сем разделе завоеваний Бонапарте не забыл большую часть оных назначить Королевству Итальянскому, коего корона самому ему принадлежала.

В то время судьба, казалось, столько преследовала союзников, что даже личная ошибка одного человека вдруг переменяла политику Пруссии. Фридрих Вильгельм, король Прусский, послал к Бонапарте графа Гаугвица с тем, дабы склонить его к справедливому примирению с воюющими державами и объявить ему, что в случае отказа с его стороны Пруссия принуждена будет действовать заодно с союзниками. Вместо того прусский министр, утраченный бедствиями, постигнувшими сих последних, и угрозами Бонапарте, почел за лучшее подписать трактат, в коем, непростительным образом во зло употребляя данное ему полномочие, отдал в распоряжение Бонапарте княжества Аншпахское, Нефшательское, герцогства Клевское и Берг-

ское взамен Ганновера, присоединенного к Пруссии. Таким образом посольство графа Гаугвица, долженствовавшее быть неприязненным в рассуждении Франции, кончилось ко вреду того государства, коего Пруссия предприняла защиту, и еще более скрепило дружественную связь, перед тем существовавшую между берлинским и тюльерийским кабинетами. Король Пруссии неблагоприятным поступком своего производителя переговоров приведен был в столь затруднительное положение, что ему оставалось на выбор – или немедленно учинить разрыв с Францией, или подтвердить договор, графом Гаугвицем заключенный. И он принужден был решиться на последнее. Бонапарте отдал княжество Нефшательское маршалу Бертье, герцогства Клевское и Бергское – шурина своему маршалу Мюрату, а княжество Аншпахское послужило к распространению владений короля Баварского, которого Бонапарте умышленно осыпал благодеяниями, дабы показать всем, сколь высоко надлежало ценить союз его.

Из всех великих держав твердой земли одна только Россия не договаривалась с Францией. Император Александр не изъявил согласия своего на перемирие, заключенное австрийцами после битвы Аустерлицкой, однако, уступая просьбам императора Франца, вывел войска свои из австрийских владений. В таковых обстоятельствах его величество рассудил, что ему оставалось только сберечь силы свои до другого, удобнейшего времени. Вследствие сего возвратил он также войска свои, находившиеся в Ганновере и сделавшие высадку в Неаполь, ибо очевидно было, что сии два корпуса, оставшись против неприятеля, чрез то подверглись бы неизбежной гибели без всякой пользы для общего дела.

Король Неаполитанский нашелся в самом опасном положении. Англичане сели на суда еще до отъезда россиян. Неаполитанская армия не в силах была противостоять французской, приближавшейся к Неаполю, а между тем Бонапарте торжественно объявил, что поколение Бурбонов перестало царствовать в Неаполе. Фердинанду IV оставалось только спастись бегством, и он нашел себе убежище на Сицилии.

Бонапарте, заняв Королевство Неаполитанское, отдал его брату своему Иосифу. Он начал окружать империю свою престолами, занимаемыми государями его фамилии. Сие было следствием *союзной системы*, им вымышленной, с помощью коей располагал он постепенно поработить себе все державы твердой земли. За возвышением Иосифа Бонапарте последовало возведение на престол другого брата его – Людовика. Республика Голландская, преобразованная в королевство, принуждена была признать его государем своим.

Германия также не замедлила почувствовать действие новой союзной системы. Древняя Империя Германская была разрушена, и из частей оной составилсЯ Рейнский союз, который, признав Бонапарте покровителем своим, существенно отдался в его опеку. Союз сей первоначально составлен был из королей Баварского и Виртенбергского, курфюрста Баденского, архиканцлера, герцога Бергского и Клевского, ландграфа Гессен-Дармштатского, князей Нассау-Узингена и Вейльбурга, Гогенцоллерн-Гешингена и Зигмарингена, Сальм-Сальма, Сальм-Кирбурга и Изенбурга, герцога Аренберга и графа Лейена. Вскоре потом приступил к нему также и курфюрст Вирцбургский. Император Франц принужден был признать законной сию новую несправедливость и потому, отказавшись от короны Империи Римской, удержал только титул императора Австрийского. Князья германские, не вступившие в Рейнский союз, получили полную независимость, которой, однако, не позволили им пользоваться долгое время.

Прежде, нежели сделалось известным в Европе сие важное происшествие, предавшее Германию во власть Бонапарте, можно было еще несколько надеяться, что спокойствие возвращено будет просвещенной части мира. Смерть похитила у Англии великого министра, управлявшего ею. Воспоследовала перемена в министерстве, и знаменитейший член оппозиции (стороня, противной министерству) Фокс получил управление Департаментом иностранных дел. Новый министр, дотоле постоянно объявлявший себя против войны, по необходимости должен был стараться о сближении сент-жамесского и тюльерийского кабинетов. Для сего нача-

лись переговоры, но ход оных с самого начала замедлен был отказом Англии трактовать без соучастия союзника своего – России.

Император Александр, желая не допустить Францию представлять его единым препятствием в заключении мира, отвратил помянутое затруднение, послав в Париж со своей стороны Г. Убри для непосредственных переговоров с Францией. Российский поверенный, пораженный опасностью, которой присутствие французских войск в Германии угрожало Австрии, долгом почел согласиться на величайшие пожертвования для спасения сей монархии, сохранение коей было столь важно для поддержания политической системы в Европе. Преступив меру данного ему полномочия, он поспешил заключить трактат, по коему взамен простого обещания возвратить за Рейн французские войска согласился признать законными все предыдущие похищения Бонапарте, не истребовав даже никакого поручительства против возобновления подобных похищений. Он согласился даже отдать Сицилию королю, постановленному Бонапарте в Неаполе, а в вознаграждение за сию уступку Фердинанд IV должен был получить острова Балеарские. Император Александр отказался подтвердить сей договор, который, кроме других неудобств, представляемых оным, столь явно нарушал пользы его союзника. Переговоры с Англией равномерно остались без успеха. Бонапарте соглашался возвратить королю Английскому Ганновер и оставить за англичанами остров Мальту и мыс Доброй Надежды, но не хотел отказаться от требований своих на Сицилию, а кабинет сент-жамесский тем не менее мог удовлетворить оные, на что российский император, от пользы коего он не хотел отдалять своих выгод, объявил, что не согласится ни на какое примирение, доколь обладание Сицилией не будет утверждено за Фердинандом IV. Воспоследовавшие между тем смерть Фокса и неприятельские приготовления Пруссии против Франции ускорили разрыв сих переговоров.

Бонапарте, принудив Пруссию взять Ганновер, успел посорить сию державу с Англией и отдалить ее от политической системы Европы. Тогда, видя ее без союзников, а следовательно, и без подпоры, он почел за лишнее наблюдать осторожность в сношениях своих с нею и принял голос столь повелительный и наглый, что привел тем в негодование кабинет берлинский. Предложение возвратить королю Английскому Ганновер, которое Бонапарте сделал без всякого затруднения, и учреждение Рейнского союза, испровергнувшее Римскую империю, о коем он даже не удостоил предупредить Пруссию, хотя она составляла часть сей империи, были сугубым оскорблением, открывшим наконец глаза прусскому министерству.

Тогда усмотрело оно в полной мере опасность, угрожавшую королевству, и необходимость отвратить ее оружием. Решимость его в сем случае была даже слишком поспешна. Правда, что разрыв с Францией неминуемо доставлял Пруссии двух сильных союзников – Россию и Англию, но союзники сии, не будучи предварены о столь внезапной перемене в расположениях берлинского кабинета, не были еще в готовности поддержать его надлежащим образом. От сего последовало, что в самом начале войны Пруссия могла надеяться только на союз, почти приневоленный, курфюрста Саксонского. С такой-то слабой помощью Прусская армия вступила в борьбу с огромными силами Франции, умноженными еще присоединением войск государей Рейнского союза.

Поход 1806 года был кратковременен, но решителен и пагубен для Пруссии. Несчастное сражение под Иеной одним ударом превратило в прах все способы сего государства. Прусская армия была истреблена, и лучшие крепости преданы неприятелю самой подлой изменой. Королю Прусскому после тщетных покушений получить мир осталось только прибегнуть под защиту России, не успевшей еще выступить из пределов своего государства.

Курфюрст Саксонский поспешил принести покорность свою победителю. Бонапарте простил ему связь его с Пруссией, однако с условием, чтобы приступил к Рейнскому союзу, и он занял место между государями сего союза с титулом короля. Герцоги Саксонские, дома Ангальтский и Рейсский и князья Шварцбург-Рудольфштат, Шварцбург-Зондергаузен, Балдек и Липп также вступили в союз.

Курфюрст Геассенский не был так счастлив, как курфюрст Саксонский. Государь сей, всегда державшийся прусской системы, в сию последнюю войну объявил себя нейтральным, однако Бонапарте не уважил сего нейтралитета, утверждая, что оный был притворен. Курфюрст изгнан был из Касселя, и французы заняли его земли. Владения герцогов Брауншвейгского и Ольденбургского, Мекленбург и вольные города ганзейские испытали ту же участь.

Император Александр приготавливал вооружения свои в том только предположении, чтобы в случае надобности поддержать Австрию или Пруссию. Вместо того неожиданное падение сей последней державы принудило его печься о безопасности собственных пределов, к коим Французская армия направляла торжественное шествие свое. К несчастью, в то время дух согласия и собратства, долженствовавший некогда низложить исполинское могущество Наполеона, не одушевлял еще все дворы, выгода коих требовала противоборствовать оному, и Австрия осталась спокойной зрительницей в сем важном обстоятельстве.

Битва при Фридланде 14 июня 1807 г.

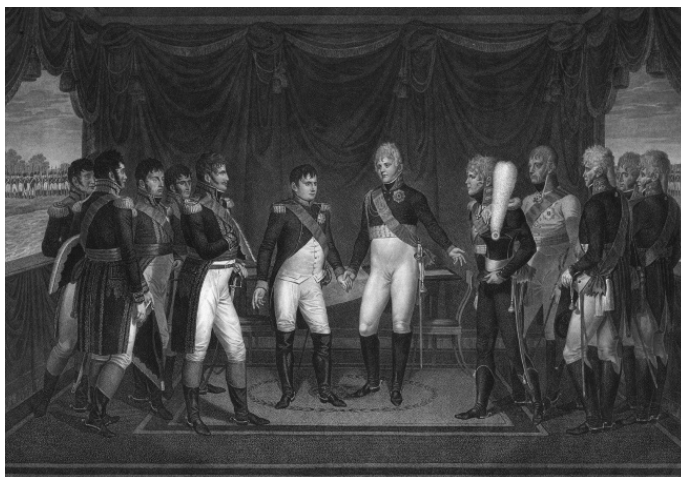
Затруднительность положения России увеличена была еще войной, недавно возгоревшейся между нею и Портой Оттоманской. Бонапарте происками своими в Константинополе заставил диван забыть нашествие свое на Египет, столь оскорбительное для Порты, и возобновить прежние дружественные связи с Францией. Посланник Бонапарте в Константинополе, не довольствуясь одним поддержанием сих связей, успел даже поставить диван против России: искусно воспользовавшись трактатом, заключенным Г. Убри в Париже, уверил он турок, что император Александр для того только отказался подтвердить сей трактат, что одной из статей оного утверждалась неприкосновенность владений Порты. От сего произошло приметное охлаждение в сношениях Порты с Россией, которое вскоре превратилось в совершенную распрю, ибо диван начал делать требования, совершенно противные содержанию существующих трактатов. Император Александр, предвидя, что война должна быть неминуемым следствием такового несогласия, долгом почел отдалить театр оной от собственных пределов и, дабы предупредить приготовления турок, приказал одной армии российской занять Молдавию и Валахию.

Между тем, несмотря на развлечение, делаемое сей новой войной в вооружениях россиян против Бонапарте, и на слабую помощь, которую доставляло им присоединение остатков Прусской армии, едва из 20 000 человек состоявшей, Российская армия в продолжение шести месяцев со славою выдерживала трудную борьбу с превосходными в числе силами французов. Победа колебалась до несчастного сражения под Фридландом, которое утвердило за неприятелем успех сего похода.

Александр, угрожаемый неприятельским нашествием на собственные владения свои, должен был помышлять о безопасности оных. Австрия не трогалась. Пруссия уже не суще-

ствовала. Шведы, слишком слабые, чтобы подать какую-нибудь помощь союзникам своим, сами с трудом держались в Стральзунде. Англия, равномерно находившаяся в затруднительных обстоятельствах, казалось, не расположена была вести войну с деятельностью. В таком положении дел спасение Европы сделалось невозможным, и император Александр, продолжив войну, только бы пожертвовал кровью храбрых войск своих без всякой пользы. Единственная цель, которую государь мог еще иметь в виду, состояла в том, чтобы хоть отчасти восстановить Пруссию, но и сего нельзя было с верным успехом достигнуть иначе, как посредством тесного союза между Россией и Францией. Надлежало предполагать, что Бонапарте в возмездие за честь быть признанным в достоинстве императора единственным государем твердой земли, дотоль отказывавшей ему в сем титуле, смягчит условия, которые будет предписывать Пруссии. И таковые причины побудили российского императора согласиться на сближение, предложенное неприятелем.

Достопамятное свидание между императором Александром и Бонапарте, на плоту среди реки Неман воспоследовавшее, дало новое направление политике и переменяло положение Европы, а последствием оного был мирный трактат, в Тильзите подписанный.

Встреча Александра I с Наполеоном на Немане

Мир сей долженствовал быть тягостным для Пруссии, однако ходатайством императора Александра возвращены ей были все области ее от реки Эльбы до Немана, кроме города Данцига, объявленного независимым, и большей половины тех областей, которые 1 января 1772 года составляли часть бывшей Польши. Сии последние, переименованные в Герцогство Варшавское, составили независимое владение под правлением короля Саксонского. Прусские области, по левую сторону реки Эльбы лежащие, купно с владениями Брауншвейгскими и Гессен-Кассельскими, составили новое королевство, названное Вестфальским, которое и отдано было Иерониму Бонапарте, брату Наполеона.

Россия уступила Голландии землю Еверскую, а взамен получила Белостокский округ, отделенный от земель, назначенных к составлению Герцогства Варшавского. Сверх того, император Российский обязался вывести войска свои из Молдавии и Валахии и принять посредничество Франции для окончания распрей своих с Портой Оттоманской. Александр, со своей стороны, равномерно должен был предложить посредничество свое Англии, и если бы кабинет сент-жамесский отказался заключить мир, основанный на свободе мореплавания, в таком случае Россия обязывалась действовать заодно с Францией и с общего согласия требовать от Швеции, Дании и Португалии, дабы, приняв их систему, заперли англичанам все гавани свои. Наконец, одной из статей трактата положено было условие восстановить герцогов Саксон-Кобургского, Мекленбургского и Ольденбургского в их владениях.

Такова была сущность сего столь известного Тильзитского трактата, объяввшего ужасом Европу. Легко можно заметить, что трактат сей не представлял ни одного из тех ручательств, которые потребны в сделках сего рода. Учреждение Герцогства Варшавского была мера, видимо, неприязненная против России, а умысел Наполеона отдать сие герцогство во владение королю Саксонскому, происходящему от прежних королей польских, еще более обнаруживал намерение его внушить полякам надежду, которая не могла исполниться без ущерба для России, ибо угрожала ей потерей областей, слишком за 14 лет пред тем к ней присоединенных. Даже самое право, которое предоставил себе Наполеон, – занимать Данциг до заключения мира на морях, показывало, что город сей надлежало считать сборным местом французов для предбудущих действий против России.

Император Александр не мог не знать, с каким намерением деланы были все сии распоряжения, но несчастные обстоятельства, в коих находилась тогда Европа, предписывали ему закон прекратить войну во что бы ни стало. Особенно нужно было выиграть время, потребное к тому, чтобы надлежащим образом приготовиться к борьбе, которая, по всем расчетам, должна была некогда возобновиться. Впрочем, Александр как верный исполнитель своего слова располагался с точностью соблюдать все обязательства, возложенные на него союзом, им заключенным, доколе сам Наполеон не нарушит явным образом условий трактата.

Французский император, уверенный в том, что со стороны России не встретит более препятствий в исполнении своих замыслов, обратил виды свои на унижение Англии. Поскольку географическое положение Великобританских островов спасало их от его оружия, то он и не нашел лучшего средства дать им почувствовать всю силу могущества своего, как разорив совершенно их торговлю. Для сего вымыслил он систему твердой земли (континентальную), которая долженствовала запереть все гавани твердой земли для английской торговли и их товаров. Принятие сей системы сделалось одним из первых условий союза с Наполеоном, и всякая держава, отказывавшаяся в полной мере участвовать в оной, считалась врагом Франции.

Между тем как Наполеон старался вооружить против Англии все народы, великобританское правительство совершило против Дании один из тех поступков, которые, может быть, оправдываются обыкновенной политикой, но всегда отвергаются справедливостью и нравственностью – единственными основаниями здоровой и истинно полезной политики.

Кабинет сент-жамесский с беспокойством предвидел, что Наполеон, уважавший трактаты не более, сколько для него нужно было, не преминет вторгнуться в Данию, дабы овладеть морскими силами сего королевства, и чтобы отвратить сей удар, решился сам захватить корабли датские. Сильный английский флот более нежели с 30 000 человек высадного войска внезапно является пред Копенгагеном и требует у датчан, дабы отдали ему на сохранение морские силы свои до заключения мира на морях. Датское министерство с негодованием отвергло столь неслыханное предложение, но жестокое бомбардирование, обратившее в пепел большую половину столицы, принудило генерала, начальствовавшего в оной, сдаться на договор и выдать датский флот, который и отведен был в Англию.

Дания была держава дружественная России, и потому Россия, не могшая равнодушно видеть бомбардирование Копенгагена, решила не отлагать долее разрыва с Англией и запереть гавани свои для ее торговли. Но таковые меры не могли иметь полного действия, доколе англичане сохраняли свободный вход в гавани Балтийского моря, принадлежащие Швеции. Итак, сей последней державе объявлено было, чтобы отреклась от союза с Англией и пристала к системе твердой земли. Густав IV отказался исполнить требования России, почему император Александр, объявив ему войну, ввел войска свои в Финляндию.

В то время Наполеон занят был предприятием, коего не исчислил всех затруднений и которое впоследствии сделалось для него неисчерпаемым источником бедствий – Испания, со времени Базельского мира управляемая министром сколь наглым, столько же и неспособным, слепо следовала внушениям Франции. Наполеон всегда находил в ней покорного и усердного

союзника, но князь мира сам начинал уже чувствовать тяжесть ига, угнетавшего Испанию, и в сердце своем предпринял свергнуть оное при первом удобном случае. Ему показалось, что разрыв между Пруссией и Францией представляет сей случай: Испанская армия тотчас приведена была на военное положение, и даже сделано к народу воззвание, приглашающее его содействовать к защите отечества. Известие о поражении пруссаков под Иеной заставило прекратить сии приготовления, и Испания возвратилась к системе французской с покорностью, еще большей прежней. Но Наполеон не мог уже более ошибаться в тайных намерениях мадридского двора и с того времени замыслил свергнуть с престола Бурбонов, царствовавших в Испании.

При всем том он скрыл свое негодование, ибо намерен был поработить сие королевство без явной войны. На сей конец прежде всего надлежало найти предлог ввести французские войска в пределы Испании. Подлое снисхождение князя мира способствовало приведению в действие сего предприятия, ибо он всякими низостями старался изгладить то неприятное впечатление, которое двучинные поступки его долженствовали сделать на французское правительство. Наполеон, пользуясь таковым расположением испанского министра, без труда согласил его на договор, заключенный в Фонтенебло, по коему определено было разделить Португалию, дабы наказать сие королевство за тесную связь его с Англией. Область Энтре-Дуеро-и-Минго (между реками Дуеро и Минго) назначена была королю Этрурскому в вознаграждение за Тоскану, которую Наполеон присоединил к собственным владениям своим. Дабы польстить честолюбию князя мира и более усыпить его, обещано было отдать ему во владение Алентеио и Альгарвию, прочие же области португальские должны были быть занятыми французскими и испанскими войсками до заключения всеобщего мира.

Вследствие сего договора одна Французская армия, соединенно с испанскими войсками долженствовавшая завоевать Португалию, вступила в Испанию и направилась к Лиссабону; другая армия собралась в Байне, дабы в случае надобности поддерживать действия первой. Лиссабонский двор, не находя никаких средств удержать нашествие, ему угрожавшее, решился уступить буре и искать себе убежища в Бразилии. Португалия, преданная несчастной участи своей, без сопротивления досталась во власть французов, которые и стали управлять ею от собственного имени, не заботясь об условиях Фонтенеблоского трактата.

Наполеон, руководствуясь коварной, но глубокой политикой, одним ударом успел низложить Португалию и сделался властителем судьбы Испании, которую введение французских армий внутрь полуострова, так сказать, предавало на произвол тюльерийского кабинета. Князь мира, слишком поздно увидевший всю великость погрешности своей, не осмелился ни требовать исполнения Фонтенеблоского трактата, ни противиться занятию крепостей Пампелуны, Сан-Себастьяна, Фигуэраса и Барселоны, в которые французы ввели свои гарнизоны, не испросив на то согласия мадридского двора.

Наполеон, ободренный преступным молчанием испанского министра, послал к Мадриду вторую Французскую армию, которая, по силе Фонтенеблоского трактата, могла вступить в Испанию только в таком случае, если бы англичане угрожали нападением первой их армии. Князь мира, коего природная робость еще более увеличилась от ссоры, случившейся у него с принцем Австрийским, уговорил короля Испанского, чтобы по примеру лиссабонского двора удалился в Мексику. Намерение сие, не могшее оставаться совершенной тайной в народе, произвело всеобщее возмущение и подало повод к известным происшествиям в Аранжуеце, причем Карл IV для спасения любимца своего от рук яростной толпы принужден был отречься от престола в пользу сына своего Фердинанда VII.

Переворот сей хотя и расстроил замыслы французского императора, однако не мог принудить его отказаться от оных, а заставил только принять иные миры. Испанская королевская фамилия вероломными советами привлечена была в Байону, куда и Наполеон также прибыл. Здесь Фердинанд VII принужден был возвратить корону отцу своему, который уступил

ее французскому императору, сей отдал брату своему Иосифу, а место сего последнего на престоле неапольском заступил Мюрат, великий герцог Бергский.

Между тем все уже предвещало, что новый король Испанский не будет спокойно владеть своим королевством. Наполеон принял надежные меры, дабы утвердиться на полуострове вооруженной рукой и рассеять слабые армии, которые Испания налицо содержала, но он не предвидел того, что встретит сильное сопротивление от народа, свято приверженного к независимости своей. По первому известию о насильствах, учиненных в Байоне, вся Испания добровольно вооружилась. Один французский корпус, вошедший в Андалузию, окружен был превосходными силами и принужден положить ружье, а Французская армия, занимавшая Мадрид, находя себя не в состоянии удержаться в сей столице, оставила оную и отступила за реку Эбро. Португальцы также последовали великодушному примеру испанцев. Возмущение их подкреплено было присутствием Английской армии, высаженной на берег в окрестностях Лиссабона. Генерал Жюно, предводительствовавший Французской армией в Португалии, не мог избежать неминуемой гибели иначе, как согласившись на капитуляцию, по силе коей войска его перевезены были на судах во Францию.

Происшествия столь необычайные привели французского императора в затруднительную необходимость или отказаться от замыслов своих на Испанию, или прибегнуть к открытой войне. Выбор его не мог быть сомнителен, но прежде, нежели начать сию войну, он хотел обезопасить себя со стороны Европы, утвердив союз, соединявший его с Россией, дабы тем устрашить Австрию, которая в то время производила чрезвычайные вооружения, очевидно, назначенные против Франции. В Эрфурте воспоследовало между российским и французским императорами новое свидание, в коем сей последний получил от союзника своего согласие на возведение Иосифа на престол испанский и обещание действовать заодно с Францией в случае объявления войны со стороны Австрии. Взамен того Наполеон обязался не противиться совершенному присоединению Молдавии и Валахии к Российскому государству, тем не менее что разные обстоятельства воспрепятствовали российским войскам выступить из сих областей, которые по силе Тильзитского трактата они должны были оставить после перемирия, заключенного с турками в Слободзее.

Наполеон перестал заботиться о пользах Порты Оттоманской, потому что расположение дивана к Франции переменилось. Султан Селим III, которого доверенностью овладел французский посланник, сделался жертвой возмущения, случившегося в серале, а новый султан Мустафа IV, напротив того, сблизился с англичанами, которые и успели внушить ему подозрение касательно тесной связи, существовавшей между петербургским и тюльерийским кабинетами.

Император Александр в сношениях эрфуртских не оставил, сколь возможно, облегчить также и участь Пруссии, ибо бедствия сего государства не окончились еще вместе с войной, и Тильзитский трактат служил для Франции только предлогом, чтобы беспрестанно делать новые требования насчет Пруссии. По силе условия французские войска должны были выступить из прусских владений, коль скоро они уплатят военные поборы, на них наложенные. Но как обе стороны не согласны были в определении количества сего долга, то после весьма продолжительных переговоров, в коем со стороны французского министерства истощены были все притязания, поддерживаемые злоупотреблением права сильного, берлинский кабинет принужден был согласиться на уплату 140 миллионов франков вместо всех недоимок, от военных поборов происходящих. В поручительство за сию сумму крепости Глогау, Штетин и Кистрин должны были оставаться занятыми французскими гарнизонами до совершенной уплаты долга, и, сверх того, король Пруссии обязался в продолжение десяти лет содержать налицо не более 42 000 человек войска, однако, несмотря на все сии пожертвования, французские войска медлили выходить из Пруссии. Наконец, посредничество императора Александра заставило их

решиться на сие выступление, и сверх того его величество успел еще склонить Наполеона, чтобы уступил Пруссии 20 миллионов франков из всего количества признанного ею долга.

Санкт-петербургский кабинет желал согласить Порту на уступку ее областей, по северную сторону Дуная лежащих, не возобновляя военных действий, приостановленных со времени примирения, заключенного в Слободзее, но как переговоры, начатые по сему предмету, не имели успеха, то война на Дунае и возгоралась сильнее прежнего.

Между тем Наполеон, обезопасив себя со стороны Германии, послал сильное подкрепление к армиям своим в Испанию и сам отправился туда для управления их действиями. В один блистательный поход, казавшийся решительным, успел он рассеять Испанскую армию, опять занял Мадрид и принудил Английскую армию, приблизившуюся уже к городу Торо, обратно сесть на суда в Корунье. Успехи сии, по-видимому, предвещали уже скорое завоевание всего полуострова, но деятельность, с которой Австрия продолжала свои вооружения, принудила французского императора оставить Испанию и поспешно возвратиться в Париж.

Пожертвования, Пресбургским трактатом у Австрии исторгнутые, были столь велики, что венский кабинет не мог терпеливо сносить оных. Однако расстройство его армий, неизбежное следствие частых поражений, ими претерпевших, препятствовало ему доселе приступить к исполнению тайных намерений своих. Мы уже видели, что венский кабинет упустил удобный случай обнаружить себя, который война России с Францией ему представляла. Он почел благоприятнейшими к тому затруднительные обстоятельства, в которые происшествия, в Испании случившиеся, приводили Наполеона, а потому и начал смело свои военные приготовления. Свидание в Эрфурте увеличило опасения министров императора Франца, но как приготовления их не достигли еще надлежащей степени, то они и вознамерились скрывать намерения свои от Франции, и им удалось до того усыпить Наполеона, что, полагаясь на их обнадеживания, он не усомнился послать в Испанию большую часть сил своих. Пользуясь сими обстоятельствами, Австрия начала вооружаться с такой ревностью, что не оставалось уже никакого сомнения о видах ее.

Наполеон искренно желал избежать новой войны, неминуемо долженствовавшей причинить развлечение в испанских делах. Но все поступки его, клонящиеся к примирению, австрийцы принимали за сознание в слабости и тем более еще стали упорствовать в своих намерениях, ибо они уверились, что захватят Францию врасплох.

Тогда Россия нашлась в затруднительном положении: с одной стороны, противно было ее выгодам споспешествовать погибели единственной державы, которая еще составляла промежуточную громаду между нею и империей Наполеона; с другой – невозможно было отказаться содействовать Франции без явного нарушения обязательств, с ней заключенных: обязательств, коих святость не была еще ослаблена ни одним нарушением со стороны Наполеона. К тому хотя бы кабинет петербургский, побуждаясь видами глубокой политики, и решился преступить сии нравственные начала, дабы поддержать Австрию, то не мог сделать сего с успехом по причине отдаления армий своих, занятых войной против шведов и турок. Слабый же корпус войск, оставшийся у нее на границах Галиции, не в силах был отвратить бедствий, угрожавших Австрии, а только создавался бы участником в оных. Нейтралитет также невозможен был для России: чрез то она только бы поссорилась с Францией, нимало не пособив Австрии. Таковые причины по необходимости предписывали петербургскому кабинету закон не уклоняться от черты поведения, назначенной существующими трактатами. Однако император Александр, с сожалением видевший, что Австрия добровольно стремилась к погибели своей, истощил все средства к отвращению венского кабинета от пагубного намерения его. Государь объявил, что, будучи связан с Францией торжественными трактатами, он не может отказать ей в своем содействии, но в то же время, дабы успокоить Австрию в рассуждении будущих предприятий Наполеона, с согласия самой Франции предложил поручительство России за целостность австрийских владений. Представления сии не сделали никакого впечатления на министерство австрийское.

Оно хотело употребить в пользу великие вооружения свои, тяжесть коих расстроенное состояние государственных доходов Австрии не позволяло ему сносить долгое время, а потому и считало долгом поспешить с войной, дабы не позволить французам окончить дела их с Испанией.

Сильная Австрийская армия под предводительством эрцгерцога Карла перешла реку Инн и вступила в Баварию. Другие корпуса войск пошли в Италию и к Варшаве. Армия, собранная Наполеоном на берегах Дуная, числом была слабее Главной австрийской армии, но искусные соображения французского императора утвердили за ним победу. Сражение Экмюльское отверзло ему путь к Вене. Эрцгерцог Карл, отступив по левому берегу Дуная, расположился напротив сей столицы. Первая переправа через Дунай, учиненная Наполеоном, имела следствием кровопролитное сражение Эслингское, в коем французы были разбиты и прогнаны за реку. Вторая переправа была счастливее для французского императора. Австрийская армия в битве на равнинах ваграмских претерпела совершенное поражение, за коим и последовало перемирие, обыкновенно предшествующее миру.

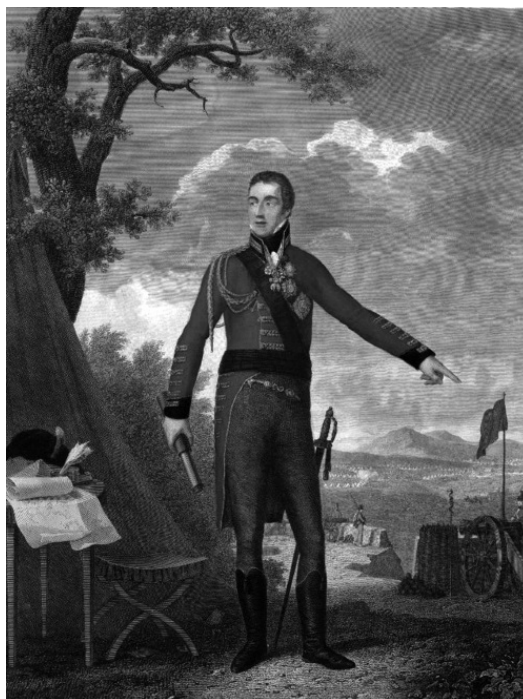
Между тем петербургский кабинет не оставался в бездействии. Российский корпус от 30 до 40 тысяч человек, вступивший в Галицию, помог полякам овладеть сей областью. Австрийская армия, защищавшая оную, отступила в Моравию. Усилия единственного союзника, которого Австрия в то время имела, не были удачны, да к тому ж, кажется, и не благоразумно были соображены. Поиск англичан на остров Вальхерен, почти без цели учиненный, произвел только слабое развлечение, а потому и не имел никаких последствий.

Наконец, Австрия увидела, что единственное спасение могла найти в мире, и, подписывая оный в Шенбрунне, она принуждена была согласиться еще на новые пожертвования. При сем случае она потеряла еще три миллиона с половиной жителей: Наполеон оставил за собой Карниолию, австрийский Фриуль, Триест, Верхнюю Каринтию, Фиум, венгерскую Далмацию и военное начальство (Generalat) Карлштатское. Сии области вместе с Истрией и Венецианской Далмацией с ее островами составили новое государство, получившее название Иллирийских провинций. Зальцбург, Инфиртель и часть Гаусрюка присоединены были к Баварии, которая взамен оных сделала несколько уступок в пользу Италии, великого герцога Вирцбургского и короля Виртембергского, а сей последний также сделал несколько уступок великому герцогу Баденскому. Западная Галиция с Замосцьским округом и окрестностями города Кракова послужила к распространению пределов Герцогства Варшавского. России отдана была Тарнопольская область с 400 000 жителями.

Шёнбруннскому миру предшествовал Фридрихсгамский, заключенный между Россией и Швецией.

В продолжение войны шведские войска вытеснены были из всей Финляндии и Восточной Ботнии, и россияне перенесли победоносное оружие свое даже на западные берега Ботнического залива. С другой стороны, датчане отразили Шведскую армию, выступившую против Норвегии, и сами вторглись в Херьедален. Упорство Густава IV твердо держаться политической системы, однажды им принятой, несмотря на отказ англичан в помощи, которой он требовал у них, подвергало опасности существование самой Швеции и возбудило все умы против короля. Возмущение началось в армии, противопоставленной датчанам, которая и обратилась к Стокгольму. Густав IV лишен был престола, а на место его возведен Карл XIII, дядя его. Новый король поспешил начать переговоры, следствием коих был Фридрихсгамский мир с Россией и Енкепингский с Данией. Швеция уступила России Аландские острова, всю Финляндию, Восточную Ботнию и часть Западной Ботнии, лежащую по восточную сторону рек Торнео и Муонио. Сверх того, обязалась она приступить к континентальной системе и воспретить вход в гавани свои английским кораблям, за исключением нагруженных солью и колониальными произведениями, коих ввоз себе предоставила. Границы между Швецией и Норвегией остались в том же положении, в котором до войны находились.

Шёнбруннский трактат вознес Наполеона на высочайшую степень могущества, но, полагая, что одно только вступление в родственную связь с каким-либо из главнейших владетельных домов в Европе может сделать оное прочным, он разорвал брачный союз с супругой своей императрицей Иозефиной под предлогом бесплодия и простер было виды свои на одну из великих княгинь Российских. Но холодность, с которой приняты были в Санкт-Петербурге предложения его по сему предмету, показала ему, что здесь он не должен был ожидать от переговоров удовлетворительных для себя последствий. Тогда обратился он к Австрии и был счастливее. Венский кабинет охотно согласился на такой союз в надежде найти в нем поручительство за политическое существование монархии австрийской, в коем чрезмерное распространение империи Наполеона заставляло уже сомневаться. Брак французского императора с эрцгерцогиней Марией Луизой вскоре свершился, несмотря на отказ Папы дать разрешение, потребное на оный.

Герцог Веллингтон
(1769–1852)

Важное происшествие сие сделалось источником новых перемен в политике европейской. Наполеон, обезопасив себя со стороны Австрии, которую полагал уже навсегда привязанной к своей системе, счел, что не имеет более надобности осторожно поступать с Россией, ибо она одна только могла действовать как независимая держава и препятствовать исполнению замыслов его сделаться всемирным обладателем, почему и считал ее главным врагом своим. К тому же он раздражен был затруднениями, которые встретил в Петербурге в намерении своем вступить в брак с одной из великих княгинь Российских, и пламенно желал найти случай отмстить за сие, дав почувствовать императору Александру всю силу безмерного своего могущества. Но как он предвидел, что, напав на Россию, должен будет выдержать войну, ужаснейшую из всех, доселе им произведенных, то и вознамерился скрывать еще свои замыслы, дабы сперва окончить несметные приготовления, которых исполинское предприятие его требовало, и притом еще располагался употребить сие время на окончание испанских дел сходно со своим желанием. Война в сей последней стране продолжалась с переменным успехом: несогласие, вкравшееся между англичанами и испанцами, помешало им надлежащим образом воспользо-

ваться сильным развлечением, которое война Наполеона с Австрией произвела в их пользу, равно как и победой при Талавере, одержанной над французами предводителем Английской армии генералом Веллингтоном. Посему-то поход 1809 года не имел ни одного из тех блистательных последствий, которые ослабление французских армий на полуострове обещало испанцам. Французы не только удержали за собой все области, коими тогда владели, но и присоединили еще крепость Жерону к прежним завоеваниям своим. Наполеон, возгордясь таковыми успехами, вообразил, что, усилив свои армии, окончит завоевание полуострова в течение 1810 года. Вследствие сего маршал Сульт получил приказание с 50 000 человек вторгнуться в Андалузию, а маршал Массена с 70 000 армией назначен был овладеть Лиссабоном. Однако же надежды французов не исполнились: правда, что маршал Сульт беспрепятственно вошел в Андалузию, но он не мог взять города Кадикса, в коем испанцы укрепились. С другой стороны, маршал Массена, искусной обороной лорда Веллингтона завлеченный внутрь Португалии, испытал, что счастье, доселе всегда ему сопутствовавшее, оставило его перед крепкими линиями Торрес-Ведрас, и он принужден был отступить, дабы спасти хотя часть армии своей, изнуренной недостатками всякого рода.

Маршал Сульт (1769–1851)

Признаки охлаждения, начавшего показываться в сношениях России с Францией, не могли укрыться от прозорливости императора Александра. Его величество усмотрел, что союз с Францией, в Тильзите заключенный и подтвержденный в Эрфурте, не мог существовать долгое время, ибо не был уже сообразен с выгодами Наполеона, и что приближался решительный перелом, долженствовавший или утвердить всемирную монархию, которую Наполеон хотел основать на твердой земле, или разорвать цепи, удерживавшие под игом его почти все народы европейские. Российский император, твердо решившийся никогда не соглашаться ни на какое условие, не совместное с достоинством и независимостью его престола, счел разрыв с Францией не токмо неизбежным, но даже и весьма близким, и с того времени занялся под рукою своею приготовлением

всех средств к обороне, которые несметные способы обширных владений его представляли к выдержанию предстоящей борьбы, тем ужаснейшей, что Россия одна должна была противостоять соединенным силам большей части Европы.

Чрезмерное распространение Герцогства Варшавского, от присоединения к нему новой Галиции происшедшее, начало уже внушать справедливые опасения российскому министерству. Для обеспечения себя оно предложило Наполеону подписать условие, коим он обязался бы никогда не признавать восстановления Королевства Польского. Французский император хотя и обнадеживал, что сие восстановление отнюдь не входит в его политическую систему, однако отказался подписать помянутое условие под маловажным предлогом, что таковой акт не совместен с его достоинством. И сей отказ обнаружил, сколь мало было искренности в дружественных расположениях, им еще оказываемых России.

Петербургский кабинет усмотрел, что в таковых обстоятельствах прежде всего надлежало стараться принудить турок к миру, дабы чрез то, избегнув всякого развлечення, получить возможность соединить все военные способы свои на западных пределах государства. Но чтобы согласить турок на такое примирение, какового желала Россия, нужно было устрасить их, почему и положено было вести войну с деятельностью, дабы окончить ее прежде, нежели обнаружатся замыслы, питаемые Наполеоном против России. Армия, в 1810 году назначенная для нашествия на Булгарию, состояла почти из 90 000 человек строевых под предводительством генерала графа Каменского, особенно отличившегося в последнюю войну против шведов.

Начало сего похода было самое блистательное: город Базарджик взят приступом, засим последовало взятие Силистрии, которая сдалась на договор после кратковременной осады, и Российская армия двинулась к Шумле, между тем как один из ее корпусов, оставленный на Дунае, производил осаду Рушука. Но верховный визирь занял при Шумле столь твердую укрепленную позицию, что все усилия графа Каменского вытеснить турок из оной оказались тщетными. Российский полководец, видя, с одной стороны, невозможность предпринять что-либо важное против Шумлы, а с другой – что осада Рушука не подвигалась, решился идти к сей последней крепости с частью войск своих, дабы тем скорее принудить ее к сдаче. Тогда действия его приняли оборот не столь благоприятный: правда, что верховный визирь тщетно покушался отгеснить наблюдательный корпус, оставленный против него графом Каменским, но под Рушуком дела находились в самом худом положении. Граф Каменский, желая скорее решить дело, учинил приступ к крепости, но оный был неудачен. Россияне, как то всегда бывает в безуспешных предприятиях сего рода, претерпели значительный урон, и участь осады была тем сомнительнее, что неприятель в то время собирал на реке Янтре 40-тысячный корпус, назначенный к освобождению Рушука. Турки, ободренные сим возвратом счастья, вообразили, что опять настали для них времена Магомета II, и уже победные крики раздавались на улицах Константинополя, но веселье их недолго продолжалось. Граф Каменский, дабы не дать неприятелю близко стеснить себя, принял превосходное намерение оставить под Рушуком только войска, необходимо нужные для продолжения осады, а с остальными выступить навстречу турецкому корпусу, расположенному на Янтре. Нашед его укрепившимся при Батине, он вступил с ним

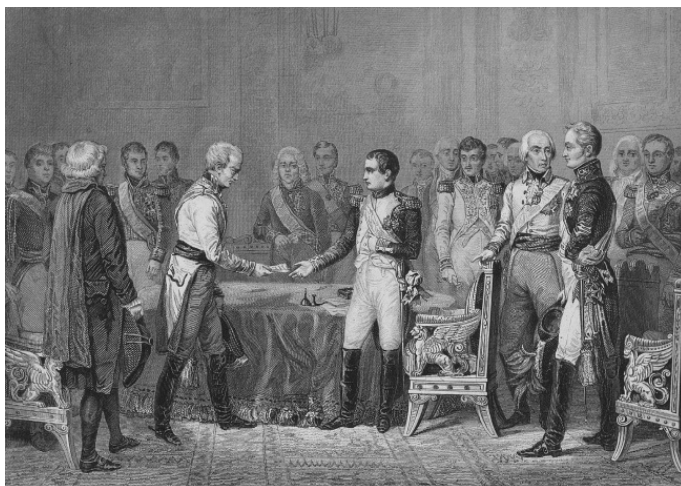
в кровопролитное сражение, следствием коего было совершенное истребление турок. Сдача крепостей Систова, Кладова, Рушука, Журжи, Никополя и Турны была плодом сей важной победы. Известие о сражении при Батине произвело в Константинополе тем большее опасение, что об отступлении графа Каменского от Шумлы разглашено было как о преславной поверхности, за коей надлежало ожидать еще важнейших успехов. Однако, несмотря на уныние, в которое внезапное испровержение сих надежд привело турок, Порты Оттоманская, побуждаемая представлениями английского посла и даже тайными происками французских агентов, ополчилась против несчастья и, вместо того чтобы искать мира, приготовилась продолжать войну с жаром, большим прежнего. И так поход 1810 года, хотя и славный для россиян, не был решителен, и петербургский кабинет нашелся в необходимости начать новый поход, а сие было для него тем тягостнее, что точно в самое то время в сношения с Францией начали вкрадываться несогласия, в коих легко можно было приметить начало еще важнейших распрей.

Наполеон не отказался еще от своей системы *завоеваний без войны*, которую прикрывал названием *присоединений*. Еще в 1808 году отнял он у Папы в наказание за отказ его объявить войну англичанам провинции Урбино, Анкону, Мачерато и Камерино, которые и присоединил к Королевству Итальянскому. А как сия несправедливость не могла сделать Папу покорнейшим к исполнению воли Наполеона, то он в 1809 году лишил его всех владений и вместе с городом Римом присоединил их к Империи Французской. Присоединения, сделанные в 1810 году, были еще важнее: французский император недоволен был королем Голландским, которого обвинял в ободрении английской торговли. Людовик не мог избегнуть гнева брата своего иначе, как подписав договор, по силе коего он уступил Франции Зеландию, голландский Брабант и часть Гельдерна, лежащую на левом берегу реки Ваала. Таковыми пожертвованиями думал он купить сохранение независимости своего королевства, но вскоре узнал, что тщетной питался надеждой, и новые притеснения французского императора побудили его отказаться от престола в пользу своего сына. Наполеон, не согласившийся признать нового короля, присоединил все области голландские к Империи Французской и таким образом перешел черту Рейна, за которую повторительными обещаниями обязывался никогда не переступать. В то же время Вализерланд, дотоле составлявший независимую республику, равномерно присоединен был к Французской империи. Наконец, чтобы дополнить меру несправедливостей, Наполеон захватил еще герцогство Лауенбургское, город Любек на Балтийском море и страну, по берегу Северного моря лежащую, вместе с городами Бременом и Гамбургом. Ничто не может лучше показать действия, которые новые присвоения сии произвели в Европе, как следующая выписка из манифеста, обнародованного Австрией в 1813 году.

Сие насильственное действие совершилось без всякого даже наружного права, с пренебрежением всех приличий, без предварительного извещения или сношения с каким-либо кабинетом, под самопроизвольным, ничтожным предлогом, что война с Англией повелевала избрать сию меру. Определение, коим на морском берегу Германии основано новое французское владение под именем тридцать второго военного отделения, само по себе должно было обеспокоить все соседственные государства, оно служило не со мнительным предвестием будущей еще большей опасности. Сим определением ниспровержена была без дальнего оправдания или объяснения система так называемых естественных границ, в самой Франции составленная, и хотя прежде уже несколько раз нарушенная, но все еще постоянной провозглашенная. Даже собственные творенья Наполеона уничтожены с беспримерным самовольством. Ни государи Рейнского союза, ни Королевство Вестфальское, ни одна великая или малая область не были пощажены при исполнении сего ужасного, хищного присвоения. Граница, быв, по-видимому, слитою прихотливостью начертана, простиралась без всякого правила или плана, без всякого внимания к старым или новым отношениям, попереч чрез земли и реки отнимала у средних и южных германских государств всякое сообщение с Северным морем, перешла Эльбу, отторгла Данию от Германии, приблизилась даже к Балтийскому морю и, казалось, стремилась к черте

занятых в сие время прусских крепостей по реке Одере. При всем том сие несправедливое завладение, толь насильственно нарушившее все права и вторгавшееся во все области, во все географические и воинские разграничения, обнаруживало столь мало признаков конченной, округленной области, что необходимо должно было почитать оное вступлением к большим еще насильствам, долженствовавшим соделать половину Германии французской областью, а императора Наполеона – действительным властителем твердой земли.

Сие новое присоединение было тем оскорбительнее для России, что поглотило также и владения герцога Ольденбургского, близкого сродника и союзника российского императорского дома.

1808 г. Свидание в Эрфурте.

Император Александр, ограничив себя словесным смыслом Тильзитского трактата, не делал возражений против прежних присоединений, но не мог с тем же равнодушием видеть сие последнее, лишаящее владений государя, которого восстановить Франция торжественно обязалась по силе одной из статей Тильзитского мира. В ответ на представления, сделанные петербургским кабинетом по сему предмету, Наполеон довольствовался тем, что предложил герцогу в вознаграждение город Эрфурт с поместьем Бланкенгайн – владения, со времени Тильзитского трактата остававшиеся в управлении французов. Но таковой обмен не мог быть принят, потому что в Герцогстве Ольденбургском считалось 130 000, между тем как в округе Эрфуртском вместе с Бланкенгайном было только 45 000 жителей. И так государь принужден был для чести своего дома объявить следующий протест, который посланники его и представили всем дворам, при коих они находились.

Его Величество император Всероссийский с крайним удивленьем известился, что Его Величество император Французский, король Итальянский, союзник его, давал по сенатскому определению новые границы своей империи, включил в оные и герцогство Ольденбургское. Его Величество представил на вид императору, союзнику своему, равно как представляет на вид всей Европы, что по Тильзитскому трактату именно обеспечено было спокойное обладание сказанным герцогством законному государю оного.

Его Величество напомнил французскому императору и напоминает всем державам, что Россия, по предварительному договору 1766 и по трактату 1773 года, отдала королю Датскому все владенья свои в герцогстве Голштинском, а взамен оным получила графства Ольденбургское и Дельменгорстское, которые по известным сделкам, в коих многие державы по необходимости участвовать должныствовали, обращены были во владетельное герцогство, в пользу младшего колена того же самого голштейн-готторпского дома, к коему Его Импе-

раторское Величество принадлежит по ближайшим кровным связям. Российский император полагает, что владение сие, великодушным его империи основанное, не может быть уничтожено без крайнего нарушения справедливости и собственных прав его. А потому и находит себя принужденным, употребив право представления себе, взять под защиту свою и наследников своего престола на вечные времена все права и обязательства, от вышеупомянутых трактатов происходящие.

Какую цену могли б иметь союзы, если б трактаты, на коих основаны оные, не сохранили своего достоинства? Его Величество, дабы не подать повода к какому-либо недоразумению, сим объявляет, что важные политические причины побудили его вступить в союз с Его Величеством императором Французским, что причины сии еще существуют, а потому он намерен пеицись о сохранении сего союза и ожидает подобного же взаимного попечения и со стороны монарха, на дружбу которого он имеет право.

Таковое соединение выгод обоих государств, предположенное Петром Великим, но как в его время, так и впоследствии встретившее столько препятствий, принесло уже пользу империи Его Величества, да и Франция, со своей стороны, также приобрела оную.

Итак, кажется, выгода обеих империй требует стараться о соблюдении сего союза, и Его Величество посвятит на то все попечения свои. Нижеподписавшийся... сходно с повелением императора, всемилостивейшего государя своего, доставляет сей, г-ну... причем свидетельствуя, и проч.

Около того ж времени принятая императором Александром мера, до государственного управления касающаяся, послужила еще новым поводом к несогласиям, возникшим между обеими империями. Россия, объявив войну Англии, чрез то самое лишилась всякого способа к вывозу своих произведений, которые, состоя большей частью в невыделанных товарах, как то: лесе, поташе, пеньке, железе и прочем, не могут быть перевозимы иначе как морем. От того последовало, что перевес торговли, обратившись совершенно в ущерб России, произвел упадок променного курса и понижение государственных ассигнаций, что и угрожало расстройством всех денежных способов в государстве. Дабы отвратить толь затруднительное положение, не отказываясь притом от континентальной системы, российское министерство положило ограничить также и ввоз иностранных товаров.

Новым тарифом, обнародованным 19 декабря 1810 года, запрещен был ввоз почти всех товаров, доселе составлявших предмет внешней торговли, и запрещенные товары назначено уничтожать. Колониальные произведения были позволены, лишь бы не составляли собственности англичан, а в сем последнем случае положено оные конфисковать, как принадлежащие земле неприятельской. Поелику запрещения, сим новым тарифом сделанные, большей частью простирались на произведения Франции и ее промышленности, то Наполеон, хотевший разорить Россию, не вредя выгодам собственной торговли с сей державой, с огорчением жаловался, называя помянутую меру неуважением к его особе, и воспользовался сим предлогом для оправдания конскрипции 1811 года, которую, однако же, он предписал еще прежде, нежели узнал о новом тарифе.

Набор сей конскрипции, чрезвычайные вооружения поляков Герцогства Варшавского, постепенное умножение французских войск в Германии и перемещение их главной квартиры из Регенсбурга в Гамбург были несомнительными признаками неприязненного расположения Франции. Тогда император Александр рассудил за благо немедленно собрать большую часть сил своих на западных пределах государства, дабы через то привести себя в оборонительное положение. Одна дивизия войск российских, со времени последней шведской войны остававшаяся в старой Финляндии, получила приказание следовать к верхней части Двины-реки; в Дунайской же армии, которая в конце 1810 года состояла из девяти дивизий, оставлено только четыре, а прочие пять дивизий переведены были на реку Днестр.

Такие приготовления встревожили Наполеона, полагавшего, что россияне осмеливались столь значительно ослабить армию свою на Дунае единственно потому, что уверены были в заключении мира с Турцией, между тем как сам он, более нежели когда-либо озабочиваясь войной в Испании, принужден был тратить на нее множество войск без удовлетворительных последствий. Он рассудил, что в сих обстоятельствах благоразумие требовало от него притворствовать еще против России, а потому и сделал петербургскому кабинету новые обнадеживания о желании своем сохранить доброе согласие между двумя великими империями. При всем том обнадеживания сии были токмо ничтожные приветствия, не подавшие никакого повода к окончательному разбору существовавших распрей.

Очевидно было, что французский император хотел только выиграть время, нужное для окончания его приготовлений. И посему казалось бы, что польза петербургского кабинета требовала предупредить его, начав войну с наступлением весны 1811 года, но политическое и военное состояние Европы не позволяло России действовать наступательно. Правда, что 150-тысячная армия, которую император Александр мог выставить на западной границе, вероятно, без сопротивления овладела бы Герцогством Варшавским и, подвинувшись к реке Одере, принудила бы и Пруссию также объявить себя против Франции. Но сии кратковременные успехи только что подвергли бы опасности Российскую армию, принудив ее ослабить себя корпусами, которые по необходимости надлежало оставлять позади для облежания крепостей Данцига, Торуня, Модлина и Замосця и для прикрытия своего пути действий от покушений австрийцев, коих расположение в пользу России было весьма сомнительно. Такое ослабление не могло быть достаточно вознаграждено присоединением Прусской армии, ибо со времени Тильзитского мира она состояла токмо из 40 000 человек. И в сем-то невыгодном положении Российская армия нашлась бы принужденной противостоять Французской армии в Германии, которая вместе с войсками, расположенными в Голландии, хотя и состояла только из 60 000 человек, но могла быть усилена более нежели 100 000 человек войск Рейнского союза и 20-ти или 30-тысячной армией Герцогства Варшавского. Сия последняя, вероятно, уклонялась бы от сражения с превосходными силами россиян и обезопасила бы себя благовременным отступлением за реку Эльбу.

Из сего видно, что отважное движение россиян к самому Одери, не произведя никакого выгодного для них последствия, неминуемо кончилось бы несчастным отступлением. Вместо того чтобы добровольно подвергаться сему бедствию, несравненно выгоднее было для России ожидать неприятеля в собственных пределах, где воспламенение народной войны должноствовало доставить ее армиям полезных и верных союзников. Причины сии побудили императора Александра ожидать происшествий, оставаясь в наблюдательном положении на своих границах.

Между тем военные действия опять начались на Дунае. Граф Каменский, одержимый смертельной болезнью, сменен был генералом от инфантерии Голенищевым-Кутузовым. Новый главнокомандующий, имевший, как уже сказано, только четыре дивизии в распоряжении своем, по необходимости должен был действовать оборонительно. Не желая раздроблять сил своих, он приказал скрыть все турецкие крепости на правом берегу Дуная, за исключением одного Рушука, который сохранил вместо предмостного укрепления, дабы владеть переправой через реку на случай перемены оборонительной войны в наступательную. Коль скоро Оттоманская 60-тысячная армия, самым верховным визирем предводительствуемая, подвинулась из Шумлы к Рушуку, то генерал Кутузов ввел в него достаточный гарнизон, дабы в случае надобности обезопасить свое отступление, а сам перешел за Дунай с 20 000 человек, составлявшими главные его силы, и расположился перед крепостью. Турки напали на него 22 июня. После упорного сражения победа осталась на стороне россиян, постоянно отражавших все усилия неприятеля, однако, несмотря на сию победу, Кутузов считал себя не в состоянии держаться

на правой стороне Дуная, почему, разорив укрепления Рушука, он возвратился на левый берег реки.

М. И. Голенищев-Кутузов (1747–1813)

Известие о сем происшествии исполнило радостью французского императора. Поелику мир между Россией и Портой казался быть отдаленнее прежнего, то он и не находил уже более побудительных причин скрывать намерения свои.

Доселе в распрях между петербургским и тюльерийским кабинетами сохраняема была потаенность, подававшая еще некоторую надежду о сближении и оставлявшая умы в неизвестности насчет важности сих распрей. Наполеон сам рассеял таковое недоумение, позволив себе делать российскому посланнику, среди дипломатического круга в Тюльерийском дворце 3 августа собранного, жестокие упреки и вероломные обвинения, которые наконец открыли всем иностранным послам, при сем присутствовавшим, тайну несогласий, возникших между обеими империями. Наполеон, без всякого сомнения, не поколебался бы тогда же начать и неприятельские действия, если б сему не препятствовало позднее время года. Опасение изнурить войска свои утомительным походом в позднюю осень побудило его отложить замыслы свои до будущей весны. К тому же он хотел пользоваться зимним временем для отправления подкреплений в Испанию, где лорд Веллингтон продолжал удерживать его армии, которые в войне с гверильясами (земскими ратниками) повседневно истощали силы свои.

Между тем конец похода 1811 года на Дунае не соответствовал надеждам, которые отступление генерала Кутузова внушило врагам России. Турки, возгоржденные тем, что нако-

нец увидели Российскую армию, отступающую перед ними, осмелились сами перейти Дунай в окрестностях Рушука, дабы перенести театр войны в Валахию. Намерение сие, празднованное в Константинополе наравне с победой, приведено было в действие 28 августа и сделалось гибельным для турок. Генерал Кутузов противостоял Оттоманской армии, дабы не позволить ей распространиться в Валахии, а 30 сентября отрядил корпус под начальством генерала Маркова, приказав ему перейти Дунай выше Рушука и напасть на турецкий резерв, оставшийся на правом берегу реки. Таковое действие увенчано было желанным успехом: турецкий резерв был совершенно разбит и прогнан в Рушук. Оттоманская армия, лишенная сообщения с правым берегом и окруженная со всех сторон, в продолжение нескольких недель оставалась в сем положении и наконец принуждена была сдаться. Порта, совершенно обезохоженная сим великим несчастьем, просила мира, и в декабре месяце открыт был конгресс в Бухаресте. Столь неожиданная перемена в положении обеих противных сторон на Дунае испровергнула расчеты Наполеона, надеявшегося на развлечение, которое турецкая война долженствовала сделать в его пользу в то время, когда он откроет поход против России. Тщетно старался он всеми играми ободрить Порту, внушая ей, что поелику сам он намерен в скором времени сделать разрыв с Россией, то и она не должна спешить с заключением мирного трактата. По крайней мере, происками своими успел он замедлить ход переговоров в Бухаресте.

В начале 1812 года все предвещало скорое приближение великого происшествия, устранившего Европу. Военное положение Наполеона в Германии было уже грозно: данцигский гарнизон, умножившийся от последовательных подкреплений, состоял уже из 20 000 человек. Гарнизоны крепостей на реке Одере также усилены были. В одном Штеттине находилось более 17 000 человек. Сверх того, во Французской армии в Германии считалось более 100 тысяч человек строевых, и она ожидала еще новых подкреплений, находившихся уже в следовании к ней. Военные силы Франции, и без того уже столь огромные, должныствовали еще увеличиться новым набором конскрипции 1812 года. Французская армия в Италии также получила приказание быть в готовности к выступлению.

Положение французского императора было тем грознее, что, кроме военных способов Империи Французской и Королевства Италийского, он самовластно распоряжался также и способами союзников, или, справедливее сказать, подручников, своей империи, каковы были король Неаполитанский, Швейцария, все государи Рейнского союза и Герцогство Варшавское. За исключением России, Англии и Турции, в целой Европе не оставалось независимых держав, кроме Дании, Пруссии, Австрии и Швеции. Наполеон не упустил стараться и их также привлечь к своему союзу.

Дания, со времени несчастного происшествия с Копенгагеном слепо следовавшая внушениям тюльерийского кабинета, не отказалась действовать обще с Францией, однако же сия последняя не могла получить от того никакой пользы, ибо весьма ограниченные военные способы Дании едва достаточны были к защите собственных ее владений против покушений англичан и союзников их.

Пруссия находилась в самом опасном положении: будучи со всех сторон окружена войсками Герцогства Варшавского, Саксонии и Французской Германской армией, которая могла прийти в Берлин в несколько переходов, она видела еще, что французы, занимая Данциг и три крепости на реке Одере, утвердились также и среди ее владений. В толь бедственном положении Фридрих Вильгельм имел справедливое опасение быть первой жертвой предстоявшей войны, а для избежания сего ему не оставалось иного средства, кроме тесного союза с Францией. Но предложения тюльерийскому кабинету, по сему предмету им сделанные, и в течение 1811 года многократно повторяемые, принимаемы были с холодностью, обнаруживавшей тайную мысль Наполеона начать неприятельские действия против России уничтожением прусской монархии, дабы не оставить у себя в тылу ненадежного союзника, который при малейшей неудаче мог превратиться в явного врага. Однако в начале 1812 года новые настояния

со стороны прусского министерства успели переменить ход политики французской в отношении к Пруссии. Наполеон начал опасаться, что приведши Фридриха Вильгельма в крайность принудить его искать себе защиты у России, между тем как, склонившись на предложения Пруссии, должен был получить возможность располагать ее войсками. И так он рассудил, что противно политике было упорствовать в системе, следствия коей лишать его армию небесполезной помощи, и вместо того усилить неприятеля, с которым готовился он сразиться. При всем том, позволив Пруссии соединиться с собою, французский император не упустил ослабить ее еще новыми налогами. По силе условий, присовокупленных к союзному договору 12 (24) февраля, подписанному прусским посланником в Париже, Фридрих Вильгельм обязался отдать в распоряжение Франции для употребления против России 20 000 человек с 60 орудиями и доставлять Французской армии все потребное продовольствие во время прохождения ее через прусские владения.

Всего важнее было для Наполеона склонить Австрию, дабы решилась взять его сторону. Правда, что брак с эрцгерцогиней давал ему значительное влияние на совет императора Франца, но при всем том Австрия не могла не знать, что дело России было дело всей Европы, а посему и не оказывала большего желания споспешествовать унижению державы, падение коей неминуемо должно было уничтожить последнюю надежду на освобождение твердой земли. Но как Наполеон не соглашался признавать иного нейтралитета, кроме совершенно обезоруженного, а через сие Австрия лишилась бы всякого способа воспользоваться счастливыми случаями, которые военные происшествия могли ей представить, чтобы дать политике своей ход наиболее сообразный с истинными ее пользами, то венский кабинет и нашелся принужденным заключить союз, по которому, отдавая в распоряжение Франции 30-тысячный корпус с 60 орудиями, по крайней мере сохранил силы монархии для употребления оных сходно с обстоятельствами. Договор сего союза был подписан в Париже 2 (14) марта.

Наполеону оставалось еще склонить Швецию на свою сторону, но все покушения его остались без успеха. Мы уже видели, что по Фридрихсгамскому трактату позволен был Швеции ввоз соли и колониальных произведений. Наполеон не согласился признать сего условия, и Швеция принуждена была отказаться от одного по силе Парижского договора, по коему Франция, окончив несогласия свои с сей державой, возвратила ей Померанию. Невзирая на сей трактат, торговля между Англией и Швецией продолжалась по причине, что расположение берегов Швеции весьма способствует к производству запрещенного торга. Раздраженный сим Наполеон обвинил шведское министерство в потворствовании врагам его и в конце 1810 года решительно требовал, дабы оно торжественно объявило войну Англии. Стокгольмский кабинет, которого приближение зимы лишало помощи англичан, уступил воле французского императора. В самое сие время шведы избрали маршала Бернадота в наследники престола, почему все вообще и полагали, что сей французский генерал навсегда привяжет Швецию к политической системе Франции. Однако новый наследный принц, наблюдая пользу народа, его избравшего, имел в виду токмо обязанности свои к новому отечеству. С другой стороны, Англия, несмотря на объявление войны, дружески поступала со шведскими судами, и французский император, еще более раздраженный таковыми поступками, дал в 1811 году позволение своим арматорам нападать на шведские суда, а в январе 1812 года приказал войскам французским занять шведскую Померанию и остров Рюген. При всем том Наполеон не терял еще надежды склонить Швецию ко вступлению с ним в союз. Он предложил возвратить ей Померанию и принудить Россию к возвращению Финляндии с тем условием, чтобы она начала открытую войну с Англией и собрала армию от 30 до 40 тысяч человек для нападения на Россию. Но шведский кабинет весьма уверен был, что не может принять сего союза, не отказавшись от независимости своей, и для сохранения оной, совершенно вопреки требованиям Наполеона, решился тесно соединиться с Россией. 24 марта (5 апреля) был подписан в Санкт-Петербурге договор между Россией и Швецией, по коему сия последняя держава обеспечена была в облада-

нии Норвегией. Постановлено было сперва предложить Дании, дабы приступила к сему союзу и отказалась от Норвегии, получив взамен оной другую равностоящую область, взятую в Германии, по соседству с ее владениями. В случае отказа со стороны Дании Россия давала шведам 35-тысячный корпус для вспомоществования в завоевании Норвегии, по окончании же сего действия шведский корпус от 25 до 30 тысяч человек, соединенно с 15 или 20 тысячами россиян, должен был сделать высадку на берега Германии, дабы учинить диверсию в тылу Главной Французской армии.

Наполеон, сколь ни спешил с приготовлениями своими, но, приближаясь к великой развязке, еще раз хотел усыпить кабинет Санкт-Петербургский, а дабы успеть в том, почел за нужное изъявить ему желание свое начать переговоры. Полковник Чернышев, флигель-адъютант императора Александра, употребленный для некоторых тайных сношений между обоими императорами, находился тогда в Париже. На другой день после подписания трактата с Пруссией Наполеон отправил его в С.-Петербург с предложением заняться отвращением жалоб, с обеих сторон приносимых. Жалобы сии заключались в следующих четырех статьях: 1) недоверчивость, внушенная России распространением пределов Герцогства Варшавского; 2) присоединение к Франции Герцогства Ольденбургского; 3) узаконение о торговле английскими товарами и о (batimens denationalises) судах, потерявших права народному их флагу присвоения; и 4) распоряжение тарифа 1810 года. Касательно до первой статьи Наполеон точно объявлял, что не будет споспешествовать никакому предприятию, посредственно или непосредственно клонящемуся к восстановлению Польши. Относительно до Ольденбурга он требовал, дабы император Александр или совсем отказался от вознаграждения герцогу, или решился бы принять такое, которое бы не состояло ни в городе Данциге, ни в другом каком-либо владении Герцогства Варшавского. По третьей статье Россия должна была обязаться соблюдать условия Тильзитского трактата и меры, принятые против английской торговли, за исключением некоторого облегчения к вывозу российских произведений взамен ввозимых предметов, то есть приняла бы с общего согласия систему позволений, по коей торговые выгоды не обращались бы единственно в пользу англичан, но в равной мере разделялись между обеими торгующими державами. Наконец, по четвертой статье Наполеон предлагал заключить торговый договор, по силе которого надлежало учредить новый тариф, на основании тарифа 1810 года, но таким образом, чтобы выгоды России соблюдены были без ущерба французской торговле.

Сии новые переговоры, очевидно, предложены были токмо в намерении скрыть от Санкт-Петербургского кабинета истинные виды Франции и, внушив ему беспечность, побудить к прекращению приготовлений его к обороне. Император Александр ясно видел, что вышеизложенные жалобы касались только до побочных дел, но что самая сущность вражды, разделявшей обе империи, состояла в самовластном владычестве, которое Франция присваивала себе над всей Европой. И так, хотя бы и успели отвратить помянутые жалобы, то ничего бы еще не было сделано, потому что главный вопрос о диктаторской власти Франции над всеми прочими державами не мог быть решен иначе, как силою оружия, ибо, с одной стороны, Наполеон никогда не согласился бы отказаться от требований своих, а с другой – император Александр не мог согласиться на них, не оскорбив достоинства народа, им представляемого. При всем том российский император, искренно желавший отнять у неприятеля всякий предлог к нападению, не отказался бы вступить в переговоры на основании, предложенном Францией, если бы введение французских войск в Пруссию не присовокупило к существующим распрям еще нового повода к несогласию.

Вскоре по заключении трактата с Пруссией Французская армия, находившаяся в Германии, вошла в ее владения и подвинулась левым крылом и центром к реке Одере, а правым крылом – к реке Эльбе. Сие привело Россию в такое положение, что она должна была прибегнуть к решительным мерам, и император Александр тотчас отправился из С.-Петербурга в Вильно, где находилась главная квартира Первой армии. В то же время послано было пове-

ление князю Куракину, послу российскому в Париже, объявить французскому правительству, что сохранение Пруссии и независимость ее от всякой политической связи, направленной против России, были тем необходимее для императора Александра, что твердые и прочные сношения с Францией не могут быть восстановлены, доколе не останется между нею и Россией земля нейтральная, не занятая войсками ни которой из обеих держав, и что вследствие сего первое основание всяких переговоров долженствует быть точное обязательство совершенно оставить владения и все крепости прусские, в какое бы время и по каким бы причинам они ни были заняты французскими или союзными им войсками. Сверх того, Россия требовала, дабы гарнизон Данцига был уменьшен и приведен в то состояние, в коем находился прежде 1 января 1811 года, чтобы войска французов выведены были из шведской Померании, а с королем Шведским приняты были меры, способные к взаимному удовлетворению обеих корон – французской и шведской. По принятии сих предварительных условий, но не прежде, послу повелено было дать именем императора Александра следующие обязательства: 1) не вводить никакой перемены в принятых и доколе строго наблюдаемых в России мерах против непосредственной торговли с Англией; 2) согласиться с французским императором о *системе позволений*, которую должно будет ввести в России по примеру Франции, однако же с тем, что сия система принята будет не иначе как по предварительном исследовании, что приведение оной в действо не может увеличить ущерба, и без того уже претерпеваемого российской торговлей; 3) договориться особенным постановлением о некоторых переменах в тарифе 1810 года, коих Франция может желать для выгод своей торговли; наконец 4) согласиться на заключение трактата о промене Герцогства Ольденбургского на приличное и равностоящее вознаграждение, которое предложено будет императором французским, и в сем последнем случае уничтожить обнародованный протест российского императора.

Предложения российского посла целых две недели оставались без ответа, несмотря на то что обстоятельства не терпели отлагательства. Наконец французский министр иностранных дел прервал сие молчание, но только тем, что спросил у посла, имеет ли он потребное полномочие к постановлению и заключению предлагаемых им трактатов. Князь Куракин ясно показал неосновательность сего запроса, сделав замечание, что звание, в которое он облечен был, делало излишним всякое особенное полномочие. Отъезд Наполеона в Дрезден, последовавший 27 апреля, прервал сии переговоры, и князь Куракин, не получая ответа, принужден был просить себе пропуска для возвращения в Россию.

Между тем все еще оставалась слабая надежда к примирению. Наполеон перед отъездом в Дрезден послал в Вильно генерал-адъютанта своего графа Нарбона с предложениями, подобными привезенным полковником Чернышевым. Кажется, что Наполеон, приближаясь к развязке, самим им приведенной, не был изъят от некоторого беспокойства. Великость предприятия, им начинаемого, коего предусматривал он все трудности, казалось, устрашала его. Иногда он ласкался даже мыслью, что российский император при виде страшных сил, против него собранных, потщится отклонить войну, согласившись на все его требования. С удовольствием занимаясь сей мыслью, столь лестною для его кичливости, он воображал, что успеет исполнить все замыслы свои, не подвергаясь случайным происшествиям, которые сам почитал небезопасными; и, по мнению его, послание графа Нарбона долженствовало побудить императора Александра к изъявлению тех миролюбивых расположений, которые он толь самопроизвольно предполагал в нем. Наполеон совершенно обманулся в ожидании своем: граф Нарбон сам признался, что нашел российского императора в наилучшем расположении духа, не показывающего ни робости, ни самохвальства. Он привез в Дрезден отзыв, что Александр неотменно требует ответа на предложение, сделанное послом его в Париже, и не иначе соглашается вступить в переговоры, как по принятии упомянутых предварительных оснований.

Наполеон дал еще повеление генералу Лористону, посланнику своему в С.-Петербурге, дабы, испросив себе позволения ехать в Вильно, представил канцлеру российскому, сопутство-

вавшему императору Александру, что величавое требование о выводе войск французских из прусских владений было оскорбительно для Франции и посягало на независимость Пруссии, ибо сие значило требовать от короля Прусского разрыва политических обязательств, которые он заключил по праву, принадлежащему всем государям. Сие лжемудрое и посмеяния достойное рассуждение не обещало кротких видов со стороны французского министерства. К тому же император Александр не рассудил за благо принять французского посланника среди войск своих и велел предложить ему, дабы представил канцлеру на письме сообщения, которые имел сделать ему. Происшествия, скоро одно за другим следовавшие, не позволили продолжать сего дела.

Пребывание Наполеона в Дрездене ознаменовано было свиданием его с австрийским императором и королем Прусским, приехавшими в сей город. Император Австрийский сопровождаем был императрицей, супругой своей. Великолепные празднества, по сему случаю данные, продолжались до возвращения графа Нарбона из Вильно. На другой день, то есть 17 мая, Наполеон отправился из Дрездена в Торунь, куда и прибыл 24 числа того же месяца. Видя, что император Александр, не страшась множества сил, против него собранных, продолжал делать отсылы, приличные достоинству государя, решившегося сохранить свою независимость во что бы ни стало, он вознамерился не отлагать долее открытия похода из опасения, дабы не потерять в бесплодных переговорах времени, способнейшего к военным действиям. Чрез несколько дней по прибытии своем в Торунь приказал он послать к князю Куракину пропуска, им требуемые, и написать к генералу Лористону, дабы и сей равномерно потребовал себе пропуска. Тогда французские войска перешли уже реку Вислу и приближались к пределам России.

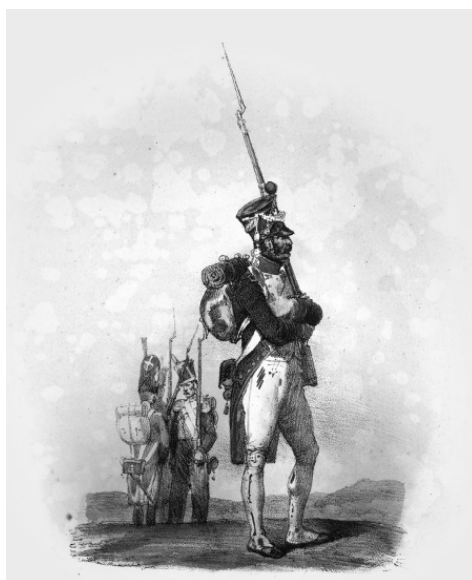
В то время, когда решался разрыв между Францией и Россией, сия последняя держава успела окончить дела свои с турками. Сношения в Бухаресте продолжались уже несколько месяцев, а уполномоченные не могли еще согласиться в статьях трактата. Переговоры сии были тем затруднительнее, что все опыты снисхождения, со стороны российских уполномоченных оказываемые, французские агенты представляли турецким поверенным как знак слабости, пользуясь которой, Порта должна была еще увеличивать свои требования. Наступающая война между французами и россиянами и трактат, 2 марта между Францией и Австрией заключенный, одной статьей коего обеспечивалась целостность владений оттоманских, придав новый вес рассуждениям французов, казалось, долженствовали бы еще усугубить затруднения в переговорах. В самом деле, начинали уже опасаться, что конгресс разойдется, и военные действия даже возобновились на Дунае, но воспоминание о предшествовавших поражениях и заступление Англии и Швеции превозмогли, наконец, все происки Франции. Мир подписан был в Бухаресте 16 мая. Порта уступила России всю Бессарабию с крепостями Измаилом, Килиею, Акерманом и часть Молдавии, на левой стороне реки Прута лежащую, вместе с крепостями Хотин и Бендерами. Трактат сей должно почитать весьма выгодным для России. Правда, что она отказалась от остатка Молдавии и Валахии – областей, обладание коими утверждено было за нею в эрфуртских сношениях, но в положении, в котором находилось тогда государство, для него не столько нужно было сделать новые приобретения, как, обезопасив южные пределы свои, все силы противопоставить буре, готовящейся разразиться от Запада.

Сделав краткое изложение политических сношений России с Францией и причин, побудивших к последнему разрыву между сими двумя державами, мы представим теперь читателю понятие о приготовлениях и военных способах обеих противных сторон.

Глава II

Внутренние приготовления к войне с обеих сторон. – Состав армий. – Описание театра войны.

Наполеон, решившись внести войну в самое сердце России, знал опасность своего предприятия и что не должно было пренебрегать никакими способами к увеличению своей армии, дабы превозмочь россиян превосходством сил, против них выставленных. Во Французской империи со времени присоединения к ней Голландии и германских департаментов считалось 43 100 000 жителей, не включая в то число иллирийских провинций с 1 500 000 жителей и Королевства Итальянского, коего население простиралось до 6 400 000 душ. Итак, Наполеон, располагавший громадою более 50 миллионов народа, легко мог не только пополнить, но и увеличить многочисленную армию, налицо им содержимую.

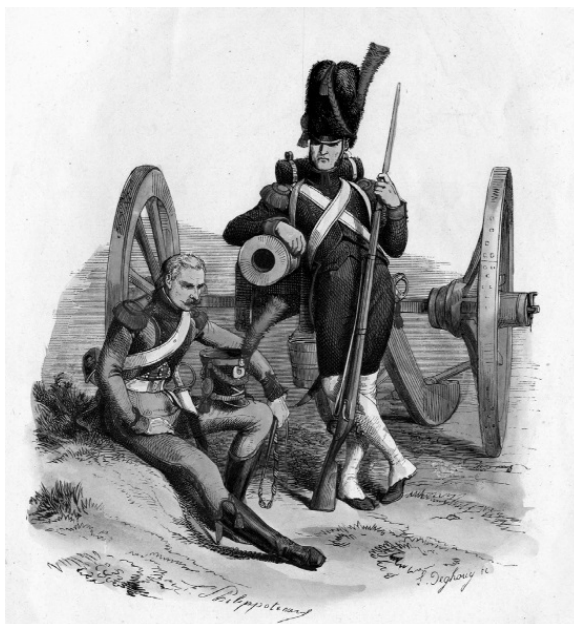
Французский пехотинец. 1808 г.

В конце 1810 года Французская армия состояла из 100 полков линейной и 28 полков легкой пехоты, 2 полков карабинерных, 14 кирасирских, 30 драгунских, 26 конноегерских и 11 гусарских. Почти во всех пехотных полках было по 5 батальонов и во всех кавалерийских – по 4 эскадрона. Войска сии распределены были следующим образом: в Испании находились 53 полка линейной и 16 полков легкой пехоты, 1 полк кирасирский, 25 драгунских, 8 конноегерских и 5 гусарских; в Италии было 16 полков линейной и 1 полк легкой пехоты, 5 полков драгунских, 4 конноегерских и 1 гусарский; в Иллирии и на Семи островах – 5 полков линейной и 3 полка легкой пехоты и 2 полка конноегерских; в Голландии – 5 полков линейной пехоты, 5 полков конноегерских и 1 гусарский; в колониях – 1 полк легкой пехоты; в Германской армии маршала Даву состояло 11 полков линейной и 2 полка легкой пехоты, 1 полк карабинерный, 9 кирасирских, 1 конноегерский и 1 гусарский; во Франции оставались 10 полков линейной и 5 полков легкой пехоты, 1 полк карабинерный, 4 кирасирских, 8 конноегерских и 3 гусарских; сверх того, находились во Франции все четвертые и пятые батальоны полков Германской армии и пятые батальоны полков, употребленных в других землях; Императорская французская гвардия состояла из 24 батальонов и 22 эскадронов, из которого числа 22 батальона употреблены были в Испании. Кроме сих войск находились еще и другие, известные под названием

вспомогательных, или не вошедших в состав корпусов, которые и состояли большей частью из иностранных войск. Сии последние вместе с 4 швейцарскими полками, 3 варшавскими линейными полками и легионом Вислы, в коем было 6 батальонов и 4 эскадрона, составляли всего 62 батальона и 20 эскадронов. Артиллерия разделена была на 8 полков пеших и 6 полков конных. По списку 15 февраля 1811 года состояло налицо действующих войск: в Испании – 305 245 человек; в Италии – 47 846 человек; в Иллирии и на Семи островах – 16 685 человек; в Голландии – 22 823 человека; в Германии – 47 250 человек и, наконец, во Франции – 198 610 человек. Всего вообще 648 459 человек, кроме гвардии, в коей было 37 302 человека.

Сколь ни велики были сии силы, однако же они показались Наполеону еще недостаточными. В течение 1811 года Военный департамент с необыкновенной деятельностью занимался пополнением старых корпусов и составлением новых, в чем и успел с помощью конскрипции и присоединения бывших голландских полков. Тогда число полков линейной пехоты возросло до 107, а легкой пехоты – до 31. Полки, уже находившиеся в Германии, сформированы были в шесть батальонов, из коих пятые поступили в число действующих, а шестые остались внутри государства. Кавалерия также была умножена. Правда, что из 30 прежних драгунских полков оставлено только 24, но расформированные полки, равно как и два полка польских улан, считавшиеся в числе войск, не вошедших в состав корпусов, послужили к сформированию новых девяти легкоконных полков. К 26 уже существовавшим конноегерским полкам прибавлен еще один полк; каждый кирасирский полк приведен в 1100 человек; наконец, к девяти полкам пешей артиллерии прибавлен еще один полк. Императорская гвардия составлена была из 58 батальонов и 24 эскадронов, и намеревались еще увеличить оную.

Войска, не вошедшие в состав корпусов, были: два полка Средиземного моря, каждый из 5 батальонов; Валхеренский полк, 4-батальонный; полк острова Ре, 5-батальонный; четыре иностранных полка, из коих в одном было 5, в одном 6, а в остальных двух по 2 батальона; Испанский 4-батальонный полк; легион Вислы из четырех 2-батальонных полков; Португальский легион из трех 2-батальонных полков; полк Бель-Иль из 5 батальонов; Парижская гвардия из двух полков – одного 2-батальонного, а другого из одного батальона пехоты и одного эскадрона драгун; 6 полков кроатских, 2-батальонных; Албанский полк из 6 батальонов; один батальон острова Эльбы; Вализерландский батальон; Семи-Островский батальон; Римский батальон; Ганноверский батальон; Тосканские велиты; батальон возвратившихся егерей (*Chasseurs rentres*); 3 иностранных батальона; 3 батальона горных егерей и, наконец, 4 батальона колониальных фузилеров. К сему должно присовокупить еще четыре швейцарских 4-батальонных полка и Нефшательский батальон.

Французские артиллеристы. 1808 г.

По расписанию от 15 октября 1811 года все помянутые войска, составлявшие 815 батальонов и 380 эскадронов, и в них 850 тысяч человек, распределены были следующим образом:

В Испании находилось: 57 полков линейной пехоты, 17 полков легкой пехоты, 1 полк кирасирский, 20 драгунских, 9 конноегерских, 4 гусарских, 1 легкоконный, 2 полка иностранных, легион Вислы, Вализерландский и Ганноверский батальоны, 3 батальона горных егерей и батальон Нефшательский; всего 270 батальонов и 145 эскадронов.

В Италии состояло: 7 полков линейной и 1 полк легкой пехоты, 4 полка драгунских, 3 конноегерских, 1 гусарский, 2 полка иностранных и Испанский полк; всего 48 батальонов и 24 эскадрона.

В Иллирии и на Семи островах было: 2 полка линейной пехоты, 3 легкой пехоты, 1 конноегерский, 6 кроатских, Албанский полк и Семи-Островский батальон; всего 33 батальона и 2 эскадрона.

В Германии употреблены были 15 полков линейной и 4 полка легкой пехоты, 8 полков кирасирских, 4 конноегерских и 2 гусарских; всего 87 батальонов и 56 эскадронов.

В лагере при Утрехте (в Голландии) находились 4 полка линейной пехоты и 1 полк конноегерский; всего 16 батальонов и 5 эскадронов.

В лагерь при Зюйдлаарене (также в Голландии) было 3 полка линейной пехоты и 1 конноегерский; всего 13 батальонов и 4 эскадрона.

В лагерь при Булони – 6 полков линейной пехоты; всего 28 батальонов.

Внутри государства оставались: Императорская гвардия, 10 полков линейной и 6 полков легкой пехоты, 2 полка карабинерных, 5 кирасирских, 8 конноегерских, 4 гусарских, 8 легкоконных, 2 полка Средиземного моря, полки Вальхеренский, Иль-де-Ре, Бель-Иль, Иллирийские егеря, Португальский легион, Парижская гвардия, батальоны Эльбы, Римский, Тосканские велиты, батальон возвратившихся егерей, 3 батальона иностранных, 4 батальона колоннальных фузилеров и 4 швейцарских полка. Сверх того, там же находились 147 резервных батальонов и 18 запасных эскадронов от полков, употребленных за границей; всего 320 батальонов и 146 эскадронов.

Кроме вышеупомянутой многочисленной армии Наполеон располагал еще всеми силами Королевства Итальянского, Герцогства Варшавского, государей Рейнского союза и короля Неаполитанского.

Армия Королевства Италийского состояла из 5 батальонов пешей гвардии, 1 полка конной гвардии, 7 полков линейной и 3 полков легкой пехоты, 1 Далматского пехотного полка, 2 драгунских и 2 конноегерских. В пехотных полках было по 3 батальона, а в кавалерийских – по 4 эскадрона. В 1810 году наличное число людей сей армии простиралось до 49 800 человек, из коих 20 000 употреблены были в Испании.

Армия Герцогства Варшавского в 1811 году состояла из 17 полков пехотных, 1 кирасирского, 11 уланских, 2 конноегерских и 2 гусарских. Каждый пехотный полк состоял из 3 батальонов, а батальон из 840 человек; кавалерийские полки составлены были из 4 эскадронов, в каждом по 160 человек. Кроме сего находился еще один полк пешей артиллерии, один полк конной артиллерии и один саперный батальон. Три пехотных и два кавалерийских полка употреблены были в Испании. Войска, остававшиеся в герцогстве, по приведении их в полный комплект должны были составить более 43 000 человек. В начале 1812 года Наполеон дал повеление сформировать во всех пехотных полках еще четвертые батальоны, вместе с коими армия Герцогства Варшавского простиралась почти до 60 000 человек.

Армия короля Баварского составлена была из 12 полков линейной и шести батальонов легкой пехоты, шести полков легкоконных и одного артиллерийского. Линейные пехотные полки были 3-батальонные, из коих один резервный, в каждом батальоне находилось по 812 человек. Батальоны легкой пехоты состояли из восьми рот, в том числе двух резервных, в каждой роте было по 153 человека. Легкоконные полки состояли из 7 эскадронов, из коих один запасной, в каждом эскадроне было по 129 человек. Артиллерийский полк в 2035 человек состоял из 4 батальонов, в каждом по 5 рот, а в роте по 6 орудий. Вся Баварская армия в полном комплекте должна была состоять из 43 000 человек, в том числе 31 000 действующих в поле.

Король Саксонский имел один гвардейский гренадерский полк в 1666 человек, восемь полков линейной пехоты, каждый в 2075 человек, один полк конной гвардии, два кирасирских, четыре легкоконных и один гусарский. В каждом кавалерийском полку было по 718 человек, кроме гусарского, который состоял из 1002 человек. Все пехотные полки были 2-батальонные, а кавалерийские 4-эскадронные. В Саксонской армии вместе с артиллерией состояло всего 29 670 человек.

Вестфальская армия составлена была из одного эскадрона конной гвардии в 168 человек; одного гвардейского легкоконного полка в 688 человек; одного гвардейского гренадерского батальона в 1005 человек; одного гвардейского егерского батальона в 654 человека; одного батальона гвардейских егерей-карабинеров в 434 человека; девяти полков линейной пехоты, в каждом по 2550 человек; одного батальона легкой пехоты в 850 человек; двух кирасирских полков – одного легкоконного и двух гусарских, в каждом из сих последних полков было по 829 человек. Все пехотные полки были 3-батальонные, а кавалерийские – 3-эскадронные. Три пехотных полка, батальон легкой пехоты и легкоконный полк находились в Испании. Вся Вестфальская армия в полном комплекте должна была состоять из 31 706 человек, из того числа около 7000 находились в Испании.

Армия короля Виртембергского состояла из одного полка конной гвардии в 375 человек; двух батальонов пешей гвардии и одного батальона гвардейских егерей, в каждом батальоне по 532 человека; двух полков легко конных, двух конноегерских и одного драгунского, в каждом полку по 500 человек; восьми полков линейной пехоты, в каждом по 1064 человека, и четырех батальонов легкой пехоты, в каждом по 532 человека. Пехотные полки были 2-батальонные, а кавалерийские – 4-эскадронные, за исключением конногвардейского полка, который состоял только из 3 эскадронов. Вся Виртембергская армия в полном комплекте, вместе с артиллерией, состояла из 15 693 человек.

Великий герцог Баденский имел гренадерский полк в 1400 человек; полк линейной пехоты, употребленный в Испании, в 1800 человек; два других полка линейной пехоты, в каждом по 1656 человек; один батальон пеших егерей в 828 человек, один эскадрон конной гвар-

дии в 178 человек и, наконец, один драгунский и один гусарский полки, в каждом по 678 человек. Пехотные полки были 2-батальонные, а кавалерийские – 6-эскадронные. Все войска Великого Герцогства, считая в комплекте вместе с артиллерией, состояли из 9024 человек; из того числа 1800 человек находились в Испании.

Участки прочих князей Рейнского союза составляли вообще более 23 000 человек, из коих около 20 000 находились в Испании.

В предыдущей главе уже сказано, что Наполеон усилил себя еще союзами, заключенными с Пруссией и Австрией.

Прусская армия, значительно уменьшенная после Тильзитского мира, в 1811 году состояла только из 47 081 человека, считая вместе с 369 пионерами и 3688 человек гарнизона. Пехота разделена была на шесть бригад, из коих в одной считалось 5219 человек, в двух – по 4632, а в остальных трех – по 4231 человеку. Кавалерия также разделялась на шесть бригад, соответственных пехотным, из коих в одной было 2316 человек, а в прочих пяти – по 1503 человека. Артиллерия состояла только из трех бригад, в каждой по 2039 человек. Вспомогательный корпус прусских войск, по силе союзного трактата отданный в распоряжение Франции, состоял из 20 батальонов, в каждом по 664 человека, и 24 эскадронов, в каждом по 164 человека; всего почти из 20 000 человек с 60 орудиями.

Военные силы Австрийского государства состояли из 38 2-батальонных полков немецкой пехоты; 15 3-батальонных полков венгерской пехоты; 11 полков пограничной пехоты; 9 батальонов егерей; 8 кирасирских и 6 драгунских 6-эскадронных полков; 6 легкоконных, 11 гусарских, одного полка пограничных гусаров, трех уланских 8-эскадронных полков и, наконец, четырех полков артиллерии, в каждом по 16 рот. Каждый батальон немецкой пехоты состоял из одной гренадерской роты в 116 человек и шести рот фузилерных, в каждой по 125 человек. Кадры третьего батальона в каждом полку состояли только из 98 человек, разделенных на четыре роты. Венгерские пехотные полки состояли из 18 рот, в том числе двух гренадерских, в каждой по 116 человек, и

16 фузилерных, в каждой по 145 человек. Из числа пограничной пехоты в шести полках было по 12 рот, в каждой по 206 человек; в одном полку 16 рот, в каждой по 206 человек, и в четырех полках по 12 рот, в каждой по 180 человек. Егерские батальоны были 2-ротные, в каждой роте по 144 человека, но в военное время прибавлялось к ним еще по две роты. В каждом кавалерийском эскадроне было по 120 человек, исключая пограничный гусарский полк, в коем эскадрон состоял из 149 человек, и уланские полки, имевшие в эскадроне по 130 человек. Артиллерийские роты состояли каждая на 170 человек. Из сего видно, что Австрийская армия должна состоять почти из 200 000 человек, но часть их находилась в отпуске.

Вспомогательный корпус, данный Австрией Наполеону, состоял из шести полков немецкой пехоты, четырех 2-батальонных полков венгерской пехоты, двух сводных гренадерских батальонов, трех батальонов пограничной пехоты, двух батальонов егерей, одного полка драгунского, двух легкоконных и четырех гусарских; всего из 30 000 человек с 60 пушками.

Из всего вышесказанного следует, что громада военных сил Наполеона в начале 1812 года состояла из следующих войск:

Французская армия	850 000	человек
Итальянская	50 000	
Герцогства Варшавского	60 000	
Баварская армия	40 000	
Саксонская	30 000	
Вестфальская	30 000	
Виртембергская	15 000	
Баденская	9 000	
Войска Рейнского союза	23 000	
Прусский вспомогательный корпус	20 000	
Австрийский вспомогательный корпус	30 000	
Неаполитанская армия	30 000	
Всего:	1 187 000	человек

Французский император, повелевая более нежели миллионом воинов, легко мог выставить против России сильную армию, не ослабляя армий своих, находившихся в Испании, однако ж, несмотря на несметность способов, бывших уже в его распоряжении, он помышлял еще о средствах приготовить сильный резерв. Способ, доставляемый конскрипцией, казался ему уже истощившимся, почему и приказал он из всех людей, способных к оружию как в Империи Французской, так и в Королевстве Италийском, составить народную стражу (Garde nationale), разделенную на три набора: в первом наборе заключались люди от 20 до 26 лет; второй набор составлен был из людей от 26 до 40 лет; а последний – из людей от 40 до 60 лет. По силе сенатского определения даже и первый набор, прежде прочих созданный, не должен был выходить из пределов империи, ибо исключительно назначался для содержания внутреннего порядка и охранения границ, больших приморских депо, арсеналов и крепостей. Сто когорт сего первого набора, каждая в 1120 человек, немедленно должны были поступить в распоряжение военного министра. Столь сильные оборонительные меры, каких Наполеон никогда еще не употреблял в прежних войнах своих, ясно показывают, что он верно исчислил всю трудность предприятия, на которое отваживался, и с того времени уже предвидел, что, перейдя за реку Неман, подвергнется опасности быть прогнанным назад к Рейну.

Французский император, устроив начала, необходимо нужные для составления новых сил, занялся образованием Главной армии, назначенной для нашествия на Россию. Она составлена была из 13 пехотных и 4 резервных кавалерийских корпусов следующим образом: Отдельный гвардейский корпус под начальством маршалов Лефевра, Мортье и Бесси ера состоял из 32 батальонов и 27 эскадронов Французской гвардии, Лефевр-Нефшательского батальона, возвратившегося из Испании, 6 батальонов Дармштатских войск, гвардейских велитов принца Боргезе, велитов Тосканской гвардии, Испанского пионерного батальона, Португальского конногерского полка, пришедшего из Эпинала, одного эскадрона почетной гвардии, одного легкконного полка, возвратившегося из Испании, и, наконец, из легиона Вислы, который, равномерно пришед из Испании, присоединился к гвардейскому корпусу уже по открытию похода. В сем корпусе находилось 54 батальона и 35 эскадронов.

Маршал Лефевр (1755–1820)

1-й корпус под начальством маршала Даву состоял из 13 полков линейной пехоты; 4 полков легкой пехоты и трех конноегерских полков Германской армии; двух испанских батальонов полка Иосифа Наполеона, пришедших из Нимвегена; одного полка баденской пехоты; трех

батальонов мекленбургских и одного полка польских улан; всего из 88 батальонов и 16 эскадронов.

2-й корпус под начальством маршала Удино составлен был из одного пехотного линейного полка Германской армии; двух пехотных линейных полков, взятых из лагеря при Зюйдларене; двух пехотных линейных и одного конноегерского полков из лагеря при Утрехте; двух пехотных линейных полков из лагеря при Булони; одного Кроатского полка, пришедшего из Иллирии; одного полка легкой пехоты, прибывшего из Антверпена; другого такого же полка из Безеля; 3-го Португальского полка из Оксона; четырех швейцарских полков; одного конноегерского полка, пришедшего из Страсбурга; другого такого же полка из Гренингена; третьего полка, возвратившегося из Испании; и, наконец, одного легкоконного полка, прибывшего из Седана; всего из 51 батальона и 20 эскадронов.

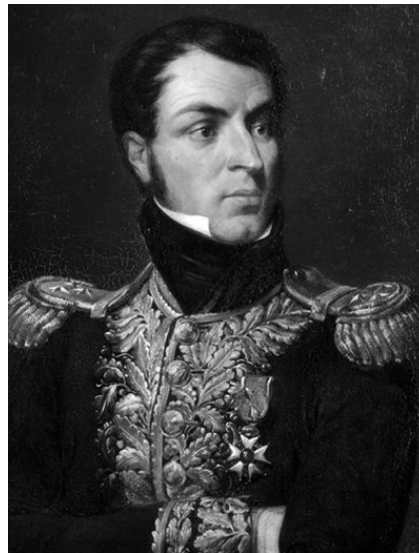
3-й корпус под начальством маршала Нея состоял из одного пехотного линейного полка Германской армии; двух пехотных линейных полков из лагеря при Утрехте; трех из лагеря при Булони; 1-го Португальского полка, пришедшего из Тула; 2-го Португальского из Лиона; одного полка легкой пехоты из Парижа; Иллирийского полка, прибывшего из Турина; одного конноегерского полка из Турина; одного гусарского из Фонтеная; одного легкоконного из Доля и, наконец, пяти пехотных линейных полков, четырех батальонов легкой пехоты и трех конноегерских полков виртембергских войск; всего из 48 батальонов и 24 эскадронов.

4-й корпус, составленный из войск, приведенных вице-королем Евгением из Италии, находился под его начальством.

Маршал Удино (1767–1847)

В нем было шесть полков линейной пехоты, возвращенных из Италии; два полка легкой пехоты – один Кроатский и один легкоконный, взятых из Иллирии; два батальона Испанского полка Иосифа Наполеона, возвратившихся из Италии; один легко конный полк, пришедший из Пармы; пять батальонов и четыре эскадрона Итальянской гвардии и, наконец, два полка линейной пехоты, два полка легкой пехоты, один Далматский, один драгунский и два конноегерских полка итальянских войск; всего 57 батальонов и 24 эскадрона.

*Генерал Ренье
(1771–1814)*

5-й корпус под начальством генерала князя Понятовского составлен был из одиннадцати полков пехотных, одного кирасирского, двух конноегерских, одного гусарского и одного уланского польских войск Герцогства Варшавского; всего из 44 батальонов и 20 эскадронов.

6-й корпус под начальством генерала графа Гувион-Сент-Сира состоял из одиннадцати полков линейной пехоты, шести батальонов легкой пехоты и четырех легкоконных полков баварских войск; всего из 28 батальонов и 16 эскадронов.

7-й корпус под начальством генерала Ренье составлен был из трех гренадерских батальонов, семи полков пехотных, одного драгунского, одного гусарского и одного уланского полка саксонских войск; всего из 17 батальонов и 16 эскадронов.

8-й корпус под начальством генерала Жюно состоял из трех батальонов гвардии, пяти полков линейной пехоты, трех батальонов легкой пехоты и двух гусарских полков вестфальских войск; всего из 16 батальонов и 8 эскадронов.

Маршал Ожеро (1757–1816)

9-й корпус под начальством маршала Виктора составлен был из одного полка линейной пехоты, пришедшего из лагеря при Зюйдлаарене; двух полков линейной пехоты из Булоньского лагеря; одного резервного полка, составленного из трех батальонов, взятых из Булоньского лагеря; одного полка легкой пехоты, прибывшего из Бреста; другого такого же полка, равномерно взятого изнутри Франции; четырех пехотных и одного уланского полков бергских войск; двух полков линейной пехоты, одного батальона легкой пехоты и одного гусарского полка баденских войск; трех польских пехотных полков Герцогства Варшавского; двух пехотных и одного драгунского полка саксонских войск; одного Вестфальского пехотного полка и, наконец, одного пехотного и одного драгунского полков дариштатских войск; всего из 54 батальонов и 16 эскадронов.

10-й корпус под начальством маршала Макдональда состоял из трех польских пехотных полков, одного баварского пехотного, одного вестфальского пехотного и, наконец, шести полков линейной пехоты, двух батальонов легкой пехоты, двух драгунских и двух гусарских полков прусских войск; всего из 36 батальонов и 16 эскадронов.

11-й корпус под начальством маршала Ожеро составлен был из одного полка легкой пехоты, взятого из Италии; двух полков линейной пехоты, пришедших из Бреста; третьего такого же полка из Шербурга; четвертого из Тулона; Бель-Ильского полка, прибывшего с острова Бель-Иля; Валхеренского полка, пришедшего из Миддельбурга; 1-го морского Средиземного полка из Пияченцы; 2-го морского Средиземного из Поркероля; полка Ре, прибывшего с острова Экс; десяти резервных полубригад, составленных из батальонов, оставшихся внутри Франции; восьми драгунских полков, взятых из Испании; одного пехотного полка и одного легкоконного эскадрона вирцбургских войск; пяти пехотных полков и четырех эскадронов неаполитанских войск; одного пехотного полка великого герцога Франкфуртского; трех пехотных полков князей Рейнского союза и, наконец, одного саксонского пехотного полка; всего из 83 батальонов и 37 эскадронов.

Вспомогательные австрийские войска составляли отдельный корпус под начальством генерала князя Шварценберга. Корпус сей состоял из четырех гренадерских батальонов, четырех полков венгерской пехоты, шести полков немецкой пехоты, двух батальонов пеших егерей, трех батальонов пограничной пехоты, одного драгунского, четырех гусарских и двух легкоконных полков; всего из 27 батальонов и 54 эскадронов.

1-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала графа Нансути составлен был из пяти кирасирских полков, одного конноегерского и двух гусарских, взятых из Германской армии; одного кирасирского, прибывшего из Тионвила; одного легкоконного из Шартра; другого легкоконного из Амиена и третьего из Вильдесгаузена; двух польских уланских полков и одного прусского гусарского полка; всего из 60 эскадронов.

Французский драгун. 1810 г.

2-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала Монбрюна составлен был из двух карабинерных полков, пришедших из Люневиля; четырех кирасирских, прибывших из Меца, Понт-а-Мусона, Бове и Сарр-Луи; двух конноегерских из Вердюна и Сент-Мигеля; двух легкоконных из Суассона и Шатодюна; двух полков гусарских из Стеная и Нев-Бризаха; одного польского гусарского, одного виртембергского конноегерского и одного прусского уланского; всего из 60 эскадронов.

3-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала графа Груши состоял из трех кирасирских полков Германской армии; четырех драгунских, трех конноегерских и

одного гусарского, взятых из Италии; одного легкоконного полка, пришедшего из Монмеди; двух баварских легкоконных и одного саксонского драгунского; всего из 60 эскадронов.

4-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала Латур-Мобурга составлен был из двух саксонских кирасирских, двух вестфальских кирасирских и семи польских уланских полков; всего из 44 эскадронов.

В апреле месяце все корпуса сии пришли в движение: 1, 2, 3, 6, 7 и 8-й пехотные корпуса вместе с 1-м и 2-м кавалерийскими вступили в прусские владения и Саксонию и, по переходе чрез реку Одер, подвинулись к Висле. 4-й корпус и 3-й кавалерийский, выступив из Вероны, прошли через Тироль в Силезию. 5-й корпус и 4-й кавалерийский расположились по реке Висле. 10-й корпус собрался между Данцигом и Кенигсбергом. Австрийский корпус собрался в Галиции, в окрестностях города Лемберга. Гвардия Наполеона выступила из Парижа к Дрездену. 9-й корпус оставался в резерве, между реками Эльбой и Одером. 11-й корпус начинал составляться в окрестностях Майнца.

В начале мая месяца Французская армия достигла берегов реки Вислы. 1-й корпус пришел в Эльбинг и Мариенбург, 2-й – в Мариенвердер, 3-й – в Торунь, 4-й и 6-й – в Плоцк, 5-й – собрался в самой Варшаве, 8-й – по правую сторону Варшавы, 7-й – в Пулавах, а гвардия прибыла в Дрезден.

В то время, когда Наполеон вышесказанным образом приготавливался к нападению, император Александр, со своей стороны, также принимал деятельные меры к обороне. Мы видели, что в 1810 году можно было уже предвидеть близкий разрыв между обоими государствами, и с того самого года российское правительство начало военные приготовления свои, положив укрепить некоторые пункты, дабы впоследствии они могли служить опорой действий для его армий. На сей конец приказано было усилить оборону крепостей Киева и Риги и построить две новые крепости: одну – в Бобруйске на реке Березине, а другую – в Динабурге на Двине. Постройка Бобруйска производилась с такой деятельностью, что при открытии неприятельских действий крепость сия была почти совсем готова, но работы, предпринятые в Динабурге, только что начаты были, когда военные происшествия принудили прекратить их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.